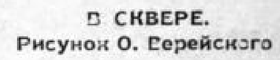

ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В СКВЕРЕ.
Рисунок О. Верейского

На первой странице обложки: Экспериментальная база Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина «Горки-Ленинские» проводит большую научную работу. Правительство неоднократно отмечало успехи в работе базы. Многие ее работники удостоены правительственных наград.

На снимке: свинарки М. А. Сахарова (слева) и Е. Н. Кустова, которым за достижение высоких показателей в животноводстве присвоено звание Героев Социалистического Труда. Е. Н. Кустова облучает поросят кварцем.

Фото Дм. Бальтерманца

На последней странице обложки: Для каждого физкультурника круглогодовая тренировка стала обязательным правилом. Она помогает сохранять спортивную форму. Спортсмены особенно любят прогулки на лыжах. **На снимке** (на переднем плане): мастер спорта по академической гребле Ирина Горелова на тренировке.

Фото Г. Липскерова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 6
(1287)

30-й год издания

3 ФЕВРАЛЯ 1952

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Перед весенним севом

На необъятных просторах нашей Родины идет подготовка к весенним сельскохозяйственным работам. По-разному складываются трудовые будни колхозников. Одни заботы там, где земля лежит еще под плотным снежным покровом, другие — на юге, где солнечные лучи уже прогревают почву.

Сибирь. Колхоз «Победа», Новосибирского района, призвал все артели в самые сжатые сроки комплексно завершить подготовку к весне. В колхозе очищены семена, полностью отремонтирован посевной инвентарь. Каждый день с ферм на поля уходят обозы с удобрениями. Проводятся большие работы по снегозадержанию.

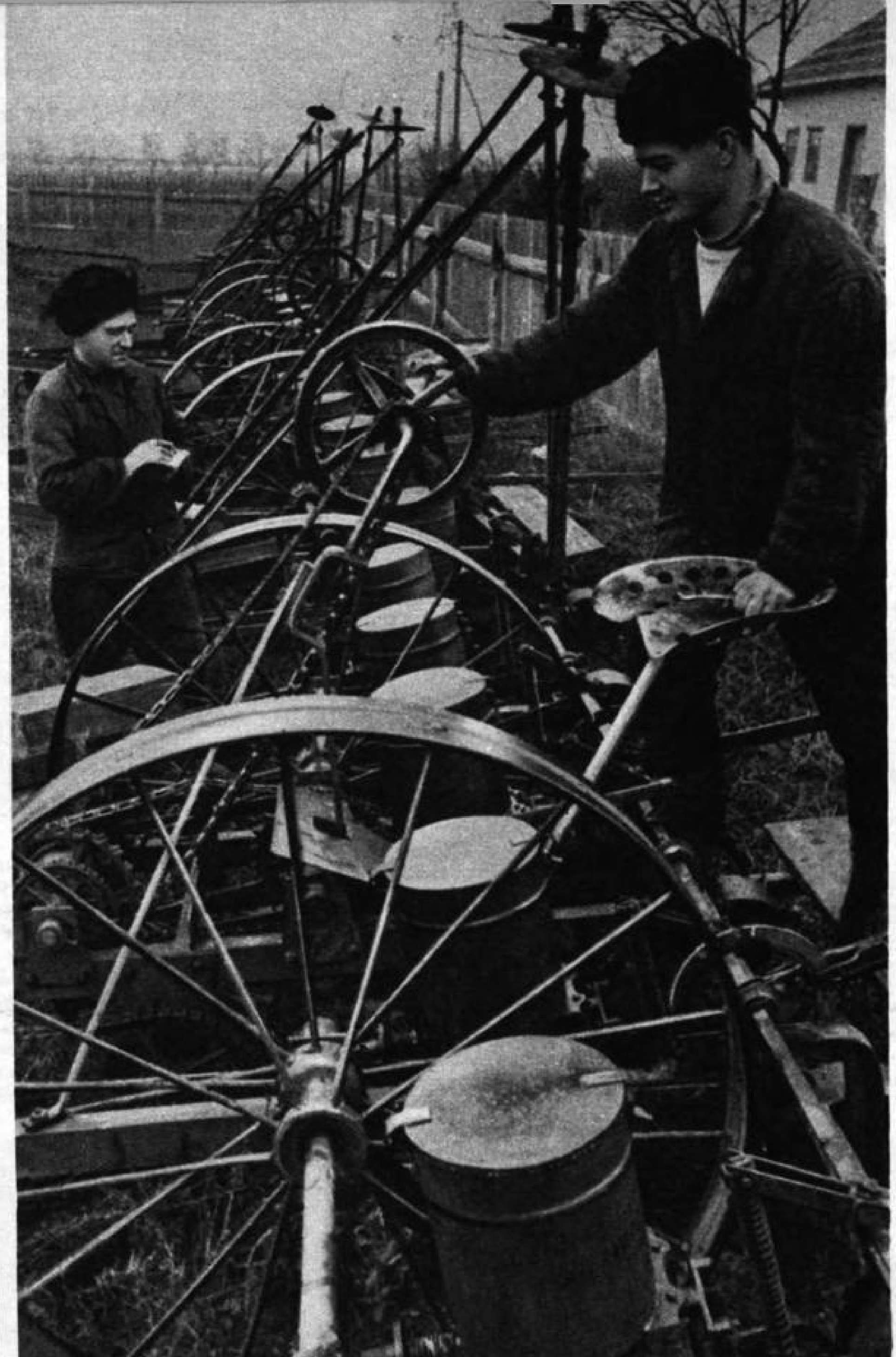
Украина. Герой Социалистического Труда Я. Шульга из Лебединской МТС выступил инициатором соревнования механизаторов. «Ни одной отстающей бригады, ни одной отстающей МТС!» — таково основное условие соревнования.

В Московской области одна за другой МТС рапортуют об окончании ремонта тракторов. В разгаре занятия на многочисленных курсах по подготовке и переподготовке трактористов.

В Туркмении уже начались весенние работы. Повсеместно идет пахота земель под хлопок, люцерну, овощи. В Ашхабадской области приступили к севу яровых колосовых.

Колхозы Молдавии, используя благоприятную погоду, поднимают ранний пар, сажают плодовые деревья, сеют подсолнечник.

За высокий урожай в 1952 году! — под этим лозунгом вступают в новый сельскохозяйственный год миллионы колхозников.

В Тырновском районе, Молдавской ССР, МТС готовит сеялки СШ-6 к отправке в колхозы. На снимке внизу: Каширская опорно-показательная МТС (Московская область) закончила ремонт тракторов.

Фото Б. Лазарева и Дм. Бальтерманца

Сталинград ВДОХНОВЛЯЕТ

Письмо из Праги

Мы гордимся этим именем

От Волги до Влтавы тысячи километров. И все же, когда проходишь главной магистралью этого большого пражского завода, кажется, что ты перенесся к берегам великой русской реки.

Виды Сталинграда, фотографии, увеличенные до полутора — двух метров, тянутся вдоль магистрали, как бы образуя панораму реального, живого города-героя.

Здесь каждый день проходят тысячи людей: рабочие, работницы, инженеры. Сталинград! Разве может пражский рабочий забыть ночи оккупации, глухие шаги патрулей, выстрелы, приглушенный звук подпольного радиопередатчика и долгожданную весть о Сталинградской битве, возвестившей великую победу!

В день семидесятилетия Иосифа Виссарионовича Сталина рабочие пражского завода «Колбен-Данек» единодушно решили назвать свой завод именем героического Сталинграда.

— Мы сталинградцы! — говорят люди завода.— Мы гордимся этим именем. Мы, сталинградцы, план третьего года готвальдовской пятилетки выполнили к празднику Великой Октябрьской социалистической революции. Наш завод держит первое место в стране. Наша продукция — тяжелая электротехника — известна во всех странах народной демократии.

«Наш завод, наша продукция»... Слушаешь председателя заводского совета слесаря Иозефа Пеликана — и в его словах узнаешь мысли великого чехословацкого гражданина Юлиуса Фучика. В 1930 году, рассказывая о трудовом героизме советских рабочих, Фучик мечтал о том времени, когда и трудящиеся чехословацких заводов Шкода, Сименса и Форда станут говорить: наш завод, наша продукция. Это время пришло.

— У нас идет борьба широким фронтом,— говорит слесарь Иозеф Пеликан.— Во-первых, выполнение плана; во-вторых, соревнование; в-третьих, скоростное резание металла.

Обстоятельно, деловито, без рисовки говорит Иозеф Пеликан об успехах и недочетах:

— В прошлом году наш план был увеличен правительством на тридцать процентов! Началась борьба за ритм. Партийная организация возглавила борьбу. Перестроили поток. На некоторых циклах путь деталей сокращен до километра, а раньше они петляли по два — три километра. Рабочие добровольно отработали на перестановке оборудования семьдесят пять тысяч часов.

Семьдесят пять тысяч часов... Добровольно, бескорыстно! И это на тех самых чешских заводах, где еще недавно рабочие дрались с капиталистами за каждую копейку, за каждую минуту рабочего времени.

— Нас вдохновляет Сталинград,— говорит Пеликан.— Почти весь коллектив завода участвует в соревновании. И повсюду вожаками являются коммунисты!

На заводе «Сталинград» — несколько сот коммунистов. Они ведут за собой весь многотысячный рабочий коллектив, возглавляют сложную систему планирования, нормирования, снабжения, технологии. Они заражают своим энтузиазмом весь коллектив.

Металл очень нужен...

На заводе «Сталинград» я всюду вижу воодушевленные, бодрые лица. Но ведь есть и трудности? Конечно, есть. Но они не пугают сталинградцев.

— Да, трудности есть... — говорит прессовщик Вацлав Трпак.

Слышен тонкий звук разрезаемого металла, пахнет горячим маслом, щелкают автопрессы.

— Никогда в Чехословакии не выплавлялось столько металла, и все-таки его не хватает,— поясняет Трпак.— Строим!

Трпак говорит это, не отрываясь от пресса, его руки проворно движутся, и вслед за этими движениями растет горка отштампованных деталей.

— Едешь в выходной день с женой и ребенком на мотоцикле — и диву даешься: сколько строим! Мосты железнодорожные и пешеходные, шоссе, туннели, а там, дальше, за холмами, идет вовсю стройка гидроэлектростанции. И все это на маленьком куске земли возле Праги. А если взять всю Чехословакию?.. Вот, тоже в выходной день, сидя с удочкой на берегу реки, разговорился я с одним рыболовом-любителем, как и я. Оказывается, он из Брно. «Приехал,— говорит,— посмотреть, где тут наша турбина станет». «А что, разве вы тут строите?» — спрашиваю. «Конечно, мы! — с гордостью отвечает он.— Наш завод имени Димитрова». Видите, какой теперь у нас народ пошел! Все строители! Так что металл очень нужен,— подытожил Вацлав Трпак.— И мы знаем, где взять,— дружески подмигнув, добавил он.— У Лидии Корабельниковой!

— То есть?

— Это точно, — утвердительно сказал Трпак.— Мы с Яном Витваром прочли в газете об этой женщине. Ну, золото! В самую чешскую душу попала: ведь экономия-то у нас в крови. Мы сразу стали кроить трансформаторные прокладки из обрезков.

Механик-«миллионер»

Спросите слесаря-механика Иозефа Шимперского с завода «Сталинград», богат ли он. Он ответит вам с улыбкой, что да, он очень богат, он миллионер.

Разумеется, при капитализме ему и думать было нечего реализовать свои миллионы. Его миллионы стали реальностью только теперь, когда началось строительство нового общества, без хозяев, без капиталистов.

Иозеф Шимперский — типичный передовой представитель чехословацкого рабочего класса, накопивший большой технический опыт. Не имея специального образования, он подчас решает технические задачи, которые не по плечу иному инженеру. За несколько лет Шимперский создал на заводе «Сталинград» группу рационализаторов и сам внес много ценных предложений, изменив конструкции или технологию ряда узлов в оборудовании.

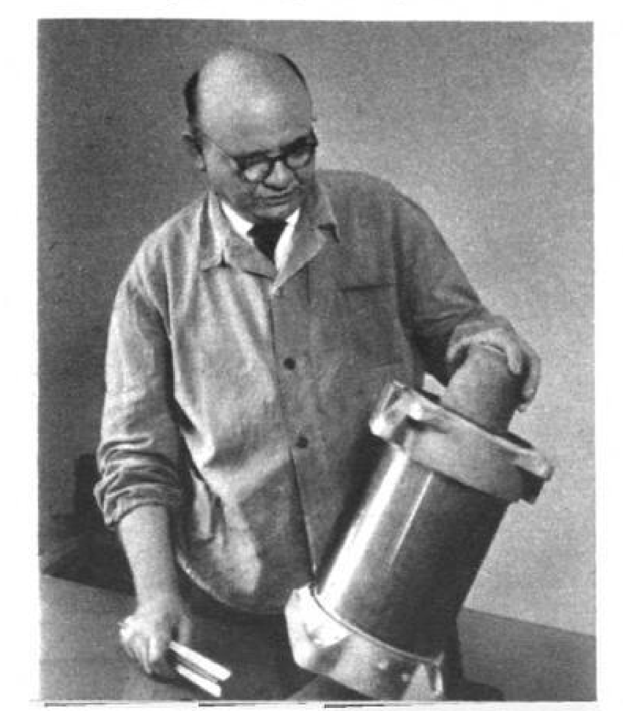
— Вы первым начали движение рационализаторов! — поздравил его как-то один журналист.

— Вы преувеличиваете,— скромно ответил коммунист Шимперский, поправляя очки в темной оправе.— Начали первыми рабочие Сталинградского тракторного. А мы у них учимся.

Реализация его предложений приносит миллионы крон. Вот почему коммуниста-рационализатора Иозефа Шимперского на заводе называют миллионером.

В прошлом году он организовал бригаду имени Лидии Корабельниковой. К середине года администрация завода подвела первый итог работы бригады. Как сообщала заводская печать, только эта группа рационализаторов сэкономила более полутонны нержавеющей стали и более восьми тонн прокатной стали.

Слесарь-механик пражского завода «Сталинград» Иозеф Шимперский.

В цехах «Сталинграда»

Каждый цех завода — средоточие сложной техники. В одном месте собирают генератор, в другом заканчивают производство огромного трансформатора. В кузнечном, литейном, термическом отделениях обрабатывают, отливают, закаляют большие валы, станины и другие детали. Всюду кипит неиссякаемая энергия рабочих.

— Как зарабатываете? — спрашиваю я во время обеденного перерыва у высокого усатого котельщика Иозефа Фака.

— Заработок хороший... Но не об этом сейчас забота. Главное — это выполнить пятилетку досрочно. Такую задачу поставила партия.

— А вы коммунист?

— Недавно принят,— с гордостью отвечает Фак.— Решил отметить это знаменательное для меня событие и предложил резать лист не одним факелом, а двумя, если линии чертежа симметричны. Двести процентов нормы! А о заработке я вам скажу: когда мое предложение приняли, я сам попросил увеличить норму. Все это идет на общую пользу. И потом нам ведь надо отстоять мир...

В слесарной мастерской старолитейного цеха я увидел небольшую группу рабочих: кто пристроился на верстаке кто на наковальне, кто на досках, положенных на опоки. В центре за столом сидел средних лет, плечистый человек — литейщик Карел Шваха. Перед ним лежала книга — «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс».

Шло занятие рабочего кружка марксизма-ленинизма. Почти все слушатели были старые, кадровые рабочие, много лет проработавшие в литейной, видавшие и безработицу и забастовки, вынесшие тяжелые годы оккупации.

Я попросил разрешения присутствовать на занятиях.

— Эта книга помогает нам жить и работать,— сказал руководитель кружка Карел Шваха, приподнимая «Краткий курс» своими мускулистыми, оголенными до локтей руками. — По этой книге мы учимся у советских людей строить социализм. Она помогает нам правильно ориентироваться в обстановке...

— И учит выводить на чистую воду и уничтожать врагов рабочего класса,— добавил Леопольд Пех.

Пех был самым старым из присутствующих, и все относились к нему с большим уважением. Он проработал на заводе «Колбен-Данек» несколько десятков лет и ушел на пенсию. Но когда в стране развернулась борьба за досрочное выполнение пятилетнего плана и заводу дали имя «Сталинград», он вернулся на производство.

— Нам хотелось бы передать через вас,— обратился ко мне старый кадровик,— нашу горячую любовь и благодарность товарищу Сталину. Мечтаю я на старости лет побывать в Москве и Сталинграде и увидеть товарища Сталина.

...Далеко от Сталинграда до берегов Влтавы. Тысячи километров. Но благодатные лучи солнца строящегося коммунизма светят далеко за пределами нашей Родины. Они освещают путь миллионам людей на земле.

А. БУЛГАКОВ

1

ЗИМНИЙ ДЕНЬ В КОЛХОЗЕ

А. АБРАМЕНКОВ **Фото В. ЕВГРАФОВА**

Немало страниц в дореволюционной художественной литературе посвящено описанию жизни деревни в зимнюю пору. Пустели заваленные сугробами до оконниц избы: голод выгонял на заработки всех способных держать в руках топор или пилу. В деревне оставались старики да женщины с ребятишками, и вся жизнь их ограничивалась своим двором, своей «худобушкой»...

Как непохожа наша советская деревня на старую!

Зимой, как и летом, кипит в ней жизнь. Самое отдаленное село живет теми же интересами, что и весь народ.

Мы рассказываем об одном будничном зимнем дне колхоза «Сигнал революции» в селе Усть-Курдюм, Ворошиловского района, Саратовской области.

1

На улице ночь. Еще не закончили перекличку третьи петухи, а уж скрипят на морозе двери, хлопают калитки; на улицу выходят люди.

Шагают рядом доярки Таисия Константиновна Сергеева, Людмила Васильевна Бочкова и телятница Варвара Никифоровна Пяткина. Ей 78 лет, но она не желает уходить на покой. Выбегает из дому, на ходу застегивая телогрейку, свинарка Елена Сергеевна Зотова... Попыхивая махорочкой, идет конюх Александр Никифорович Тихомиров: 17 лет он шагает по этой дороге — от дома к коneферме.

Хлопают калитки, и к идущим присоединяются птичницы, кузнецы, бригадиры — да разве всех перечислишь? Все спешат на работу.

2

В шесть часов по московскому времени электростанция дала ток, и вспыхнули повсюду лампочки — на фермах, мельнице, в кузнице, домах колхозников. И в эти же мгновения услышали здесь, в далеком саратовском селе, бой кремлевских курантов и торжественные звуки Гимна Советского Союза.

Начинается трудовой день колхоза «Сигнал революции».

Начинается он на фермах утренней уборкой. Затем доярки, конюхи, свинарки, телятницы, чабаны готовят и раздают своим подопечным корм. На МТФ приемщицы процеживают молоко, измеряют его жирность. И вот уже поблескивают на автомашине тяжелые бидоны. Через несколько минут колхозный шофер Федор Ильич Крылов повезет их в Саратов: там у колхоза свой молочный киоск и постоянные покупатели.

Председатель колхоза Павел Денисович Лиханин отправился на овцеферму. Правление артели, обсудив итоги выполнения трехлетнего плана развития животноводства, предложило в трехдневный срок построить новые кормушки на овцеферме. Сегодня их надо принять от плотников.

3

Совсем рассвело. Скот убран, накормлен, и на фермах наступила передышка — можно сходить домой позавтракать. А со дворов в это время выезжают подводы на пойму за сеном. 54 центнера — 10—12 возов — таков дневной паек колхозного стада коров, табуна лошадей и отары овец.

Доносится веселый перезвон молотков из колхозной кузницы. Здесь ремонтируют конный сельскохозяйственный инвентарь к весеннему севу. Агроном колхоза Е. Н. Гусева с рассвета у амбаров. Сегодня надо закончить сортировку семенного зерна. «Что посеешь, то и пожнешь» — гласит народная пословица. Колхоз «Сигнал революции» давно уже сеет только самыми отборными, высокосортными семенами.

Стрекочет сортировочная машина. Осталось отсортировать последние четыре мешка, тогда можно будет доложить правлению: семена к весеннему севу готовы.

2

3

4

Во всех домах хозяйки открыли ставни, сходили по воду и готовят обед. В школах — в колхозе две начальные и одна средняя школа — идут занятия. Прошел по селу колхозный почтальон,— полтораста газет, более двадцати журналов, до восьмидесяти писем ежедневно получают жители Усть-Курдюма.

Начался прием в сельской больнице; в лесхозе трещит телефон: вызывают лесомелиоратора в Пристанное; по улицам мчатся машины из МТС, с молочного завода; сигналит шофер такси, совершающего рейсы до Саратова...

Колхозный бухгалтер Т. Н. Хлестова вызвала бригадира огородной бригады В. С. Бычкова и сверяет с ним, правильно ли начислены трудодни овощеводам.

Год завершен. Надо полностью рассчитаться по трудодням.

5

Вот уже и час пополудни. Чтобы проверить время, не нужно даже смотреть на часы. С МТФ выходят на дневной моцион коровы, телятницы выпускают своих неуклюжих питомцев на площадку молодняка, конюхи выводят «размяться» коней.

По селу, от дома к дому, движутся подводы. Это полевые и огородная бригады собирают удобрения для весенней подкормки посевов.

Скоро весна, и колхозники готовятся к ней, чтобы не застала она врасплох.

6

Полуденная дача кормов завершена. Теперь можно и в дежурку пойти, послушать, что нового сегодня в газете. Газету читает агитатор — лучшая свинарка колхоза Р. К. Трубецкова. Слушают ее (слева направо): Е. С. Зотова, Л. А. Орлова, А. В. Левина и Н. В. Иванова.

Колхозники «Сигнала революции», как и весь советский народ, внимательно следят за борьбой советской делегации на 6-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН против поджигателей новой войны, за прочный мир. Каждая речь товарища Вышинского прочитывается в бригадах и на фермах вслух.

Ознакомив подруг с политическими новостями, Трубецкова дошла до газетной страницы, посвященной великим стройкам. Большие перемены ожидаются и в Усть-Курдюме, когда поднимутся плотины на Волге. Под самое село подойдет волжская вода, и еще мощнее, богаче станет колхоз «Сигнал революции».

В обеденный перерыв по радио сообщили:

— Внимание. Говорит местный радиоузел. Сегодня в восемь часов вечера в клубе состоится лекция зоотехника Сергея Степановича Зинина. Тема лекции: «Рациональное кормление животных». Приглашаются все колхозники. Повторяю...

7

День склоняется к вечеру. Наступает минута, когда учетчики бригад передают сведения о проделанном за день, а бригадиры направляются к председателю колхоза на ежедневную «планерку». Вот собрались они в его кабинете (слева направо): А. Г. Ситников — бригадир первой полевой бригады, Ф. И. Крылов — секретарь колхозной парторганизации, П. Д. Лиханин — председатель колхоза, В. В. Соловьев — бригадир второй полевой бригады, И. В. Бычков — бригадир кормовой бригады. Здесь нет заведующего животноводческими фермами колхоза Н. Л. Уранова. Вместе с зоотехником он уехал в Саратовский институт животноводства и кормодобывания.

Колхоз дружит с научными институтами. Работники институтов бывают в колхозе. Заместитель директора Института земледелия юго-востока СССР Ф. И. Филатов помог колхозу организовать выращивание семян люцерны. Руководители Института животноводства и кормодобывания К. М. Солнцев и С. М. Захаров занимались здесь вопросами выращивания трав и повышения жирности молока...

...Бригадиры коротко доложили о сделанном за день. Павел Денисович дает задания на

завтра, и «планерка» окончена. В кабинете задержались Лиханин и секретарь парторганизации Крылов: надо еще поговорить о предстоящем партийном собрании, посвященном подготовке к весеннему севу. Но в эту минуту Павлу Денисовичу принесли телефонограмму. Из Саратова сообщали, что через три дня открывается сессия облисполкома. Депутату Лиханину следует прибыть в Саратов.

8

Окончен трудовой день. На фермах остались только дежурные. Закрыты амбары, кузница, плотницкая. Остановились жернова мельницы. Погасли огни в школах, на маслозаводе, ветпункте, в лесхозе. Окна домов на ночь прикрыты ставнями; из-за них глухо доносится музыка: транслируют концерт из Москвы. Приятен отдых после трудового дня! Теперь можно сходить в библиотеку-читальню сельсовета. Днем она открыта для детворы, а вечером — в распоряжении взрослых.

Заведующий библиотекой-читальней Василий Афанасьевич Смирнов не довольствуется тем, что в библиотеке всегда полно. Он устраивает громкие читки литературы в бригадах, из книжных «фондов» библиотеки подобрал две передвижки для соседних сел.

Сегодня в библиотеку пришли (справа налево): колхозники Е. А. Тихомирова, Н. Ф. Баракин, учетчик тракторной бригады А. Г. Касатеев и комбайнер П. Д. Лиханин. В. А. Смирнов выдает им книги.

8

9

— Что, Лена, хочешь взять «Плавучую станицу»? — спрашивает Баракин девушку. — Возьми. Хорошая книга! Прочитаешь — времени не пожалеешь!..

Взяв книги, они еще долго сидят в светлой читальне, где на столе всегда лежат свежие центральные и областные газеты, последние номера журналов.

9

К восьми часам зрительный зал в клубе полон. Колхозники уважают своего зоотехника С. С. Зинина и любят слушать его лекции: всегда от него новое услышишь.

Просторный колхозный клуб никогда не пустует. По вторникам здесь занимаются кружки по изучению истории ВКП(б) и биографии И. В. Сталина, по пятницам собираются слушатели трехгодичных агро-зоотехнических курсов колхозников. Клуб имеет свою звуковую киноустановку — два раза в неделю сюда из Саратова привозят кинокартины.

Время от времени приезжают в Усть-Курдюм концертные бригады Саратовской филармонии. По воскресеньям приходит молодежь потанцевать. Многие юноши и девушки из Усть-Курдюма учатся в школах, техникумах и вузах Саратова, Энгельса, Тамбова и Москвы. В дни каникул на селе только и слышишь, что звонкие голоса молодежи.

☆ ☆ ☆

Ночь. Село спит. Прошел еще один зимний день в колхозе «Сигнал революции». День рядовой, обычный, — казалось бы, ничего исключительного не произошло. Но он был полон большим, созидательным трудом дружного коллектива.

Искусство в быту

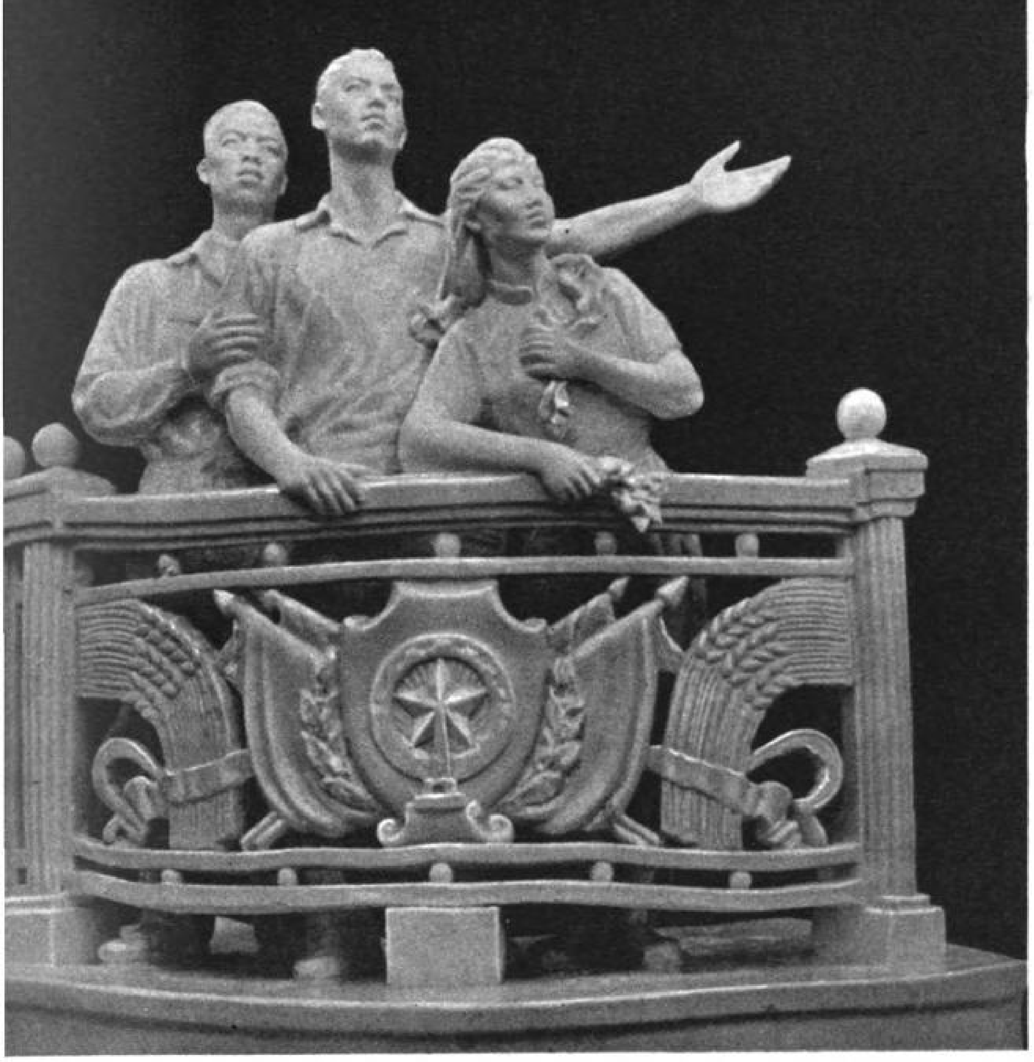
Н. СОБОЛЕВСКИЙ

Если на карте Российской Федерации обозначить места, откуда мастера народных художественных промыслов прислали на очередную республиканскую выставку, открывшуюся в Москве, свои работы, то не найдется ни одной области, ни одного края, которые не выступили бы с произведениями своих умельцев. Гончары из Гжели, златокузнецы из горного дагестанского аула Кубачи, елецкие и вологодские кружевницы, резчики по дереву села Богородского, художники чугунного литья из Каслей, мастера русских художественных лаков из Федоскина и Палеха, резчики по кости из архангельского села Холмогоры, ювелиры Красного села — трудно даже только перечислить всех, чьими умелыми руками созданы многочисленные экспонаты, заполнившие сейчас залы Академии художеств СССР.

Когда-то А. М. Горький писал, что «основоположниками искусства были... ремесленники, люди, чьи артистически сделанные вещи, радуя наши глаза, наполняют музеи». Действительно, лучшие произведения народного творчества бережно хранятся в наших музеях, но музеями не ограничивается их жизнь. Все чаще можно их увидеть во Дворце культуры, в квартире, в витрине магазина, все прочнее входят они в наш быт. Где только не встретишь детских столиков и стульчиков, бочонков и ковшей «огненной» Хохломы, ярких, по-настоящему сказочных и в то же время проникнутых чувством тонкого народного юмора игрушек дымковских мастериц, занавесей, накидок, блузок, вышитых гладью, сделанных художницами иглы и коклюшек из Мстеры и Рязани! Традиции, в которых эти работы выполнены, наталкивают и любительницу-рукодельницу и художника-профессионала на новые узоры, новые конструкции. В переработанном виде произведения народного творчества становятся основой продукции художественной промышленности, которая неразрывно связана у нас с народным искусством. Вот почему на выставке их изделия представлены вместе, в соседних залах. Причем — и это надо особенно отметить — во всех видах прикладного искусства используются не только старые традиции, но и последние достижения нашего народного искусства.

Около тридцати лет тому назад выполнили свои первые миниатюры на папье-маше палешане, в прошлом иконописцы. Великий писатель А. М. Горький встретился с ними в ранней юности, поступив в обучение в иконописную мастерскую. И тогда еще Горького поразила талантливость народных мастеров. Немало сил положил Алексей Максимович уже в годы советской власти на то, чтобы помочь палешанам в поисках новой тематики, нового изобразительного языка, который был бы понятен и доступен народу.

Палехские мастера постепенно перешли к изображению сцен из окружающей их жизни, стали иллюстрировать наиболее популярные сказочные и литературные

А. Бржезицкая. ДРУЖБА ВО ИМЯ МИРА. Фаянс.

Г. Столбова и В. Богатырев. СПАСИБО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ЗА СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО. Скульптурная группа. Фарфор.

Н. Абрамов. МОРОЗ-КРАСНЫЙ НОС. Инкрустация по дереву.

сюжеты Но если говорить о сегодняшнем дне Палеха, то ограничиться одними росписями шкатулок, портсигаров, письменных приборов, широко представленных на выставке, как бы ни была широка и многообразна их тематика, уже нельзя. Сегодняшний день Палеха — это книжные иллюстрации, декоративные и тематические росписи дворцов пионеров, домов культуры, мультипликационные фильмы, наконец, художественное оформление постановок в театрах. За декорации к опере «Золотой петушок» Н. Римского-Корсакова в постановке Саратовского театра оперы и балета была присуждена Сталинская премия палешанину Н. Парилову.

Расширение возможностей сказалось и на тематике живописцев и на манере их работы. В совершенно реалистическом плане, без малейшего намека на условность, выполнена, например, молодой художницей Тамарой Зубковой роспись фарфоровой вазы (жанр, необычный для мастеров лака!) «Колхозное изобилие». Изображенные на ее орнаменте полевые травы и цветы сплетаются в сочную, красивую вязь узора, расцвеченного яркими, солнечными красками.

Ювелирно-тонким искусством резьбы по кости, созданием скульптурных малых форм из этого материала заняты мастера в различных уголках нашей Родины. Талантливые резчики-якуты представили на выставку серию барельефов-портретов выдающихся русских и советских общественных деятелей. С родины М. В. Ломоносова и выдающегося русского скульптора Ф. Шубина привезли свои работы холмогорцы П. Черникович и А. Штанг. На пластически совершенных, будто сотканных из кружев кубках изображены И. В. Сталин, наши полководцы.

Мастера старинного сибирского города Тобольска в своих произведениях показывают новый быт народов советского Севера — остяков, якутов, вогулов. О тонкости и совершенстве их исполнения хочется сказать словами народной былины: «На рыбьем зубе мудрены вырезы вырезаны, а и только в вырезу мурашу пройти».

Около полутора тысяч лет существует костерезное искусство чукчей. Знатоки чукотской скульптуры из моржевого клыка утверждают, что по мастерству она не знает себе равной. На далеком северном полуострове Уэллене, на берегу океана, создают мастера свои действительно неповторимые по изяществу и выразительности фигурки животных — оленей, белых медведей, нерп. Мастерство резьбы настолько распространено среди местного населения, что почти невозможно найти жителя побережья, который бы не владел им. На Уэллене теперь существует самостоятельное товарищество художников, объединившее большой творческий коллектив. На выставке представлены работы его членов — Онно, Ылтаргына и других. Наряду с фигурками животных резчики все чаще обращаются к сложным сценам, в которых принимает участие человек, делают попытки создания первых жанровых композиций.

Это обогащение народного искусства и художественной промышленности новой, современной тематикой чувствуется повсюду. Красивая по цвету, сложная по композиции декоративная ткань Е. Повстяного «Великие стройки коммунизма» образно раскрывает труднейшую тему, выбранную художником. Это — настоящее и значительное художественное произведение. Такую ткань приятно увидеть на театральном занавесе или драпировке любого общественного учреждения.

Настоящей творческой удачи добились мастера фарфора в

Образцы художественной вышивки.

Художественная посуда. Ленинградский государственный фарфоровый завод имени М. В. Ломоносова.

Стенд артели «Керамика» (город Скопин, Рязанской области). Справа — чайная посуда (Дулевский фарфоровый завод).

Изделия артелей Кулигинской и «Хохломская роспись» (Горьковская область). Роспись по дереву.

мелкой тематической скульптуре, посвященной быту нашего народа, образам китайских и корейских патриотов и другим сюжетам. В портретных сериях знатных людей, выполненных в фарфоре, особенно выделяются характерные, выразительные актерские портреты И. Слонима, пользующиеся неизменным успехом.

Интересна история творчества богородского скульптора И. Стулова. Центральный зал выставки украшен скульптурой И. В. Сталина. Резчик изготовил ее из цельного ствола двухсотлетнего кавказского ореха. Скульптура радует мягкостью и благородством формы, цельным композиционным решением, реалистической четкостью и простотой силуэта. Об этом произведении следует говорить как о работе мастера-профессионала. А ведь И. Стулов начинал свой путь художника с традиционных сюжетов резной игрушки — «звериных» сценок.

В традиционной технике живописи по дереву выполнил композицию, посвященную вождю, мастер художественной инкрустации Н. Абрамов, выступавший уже на Всесоюзной художественной выставке 1950 года с инкрустированной картиной «Иван Сусанин».

Сама жизнь входит в прикладное искусство, внося в него новое содержание. Свой, особый вклад делает в него и литература. Показательна в этом отношении судьба героев михалковской басни Лисы и Бобра, прочно вошедших и в фарфор и в богородскую деревянную игрушку.

Может быть, менее заметны на первый взгляд, но столь же значительны успехи художников, работающих с художественным стеклом, тканями. Эти художественные изделия давно украшают наши выставки. Получив одобрение зрителей, они переходят в широкое производство, находят дальнейшую жизнь в быту советского человека. Оригинален по выполнению, жизнерадостен по колориту ковер-гобелен, повествующий о колхозном труде,— его выполнил коллектив Института художественной промышленности. Ковроткачество представлено на выставке богато и разнообразно.

Украшать быт наших советских людей, развивать их художественные вкусы призваны тысячи и тысячи народных мастеров и многочисленные промышленные коллективы, работающие в жанрах прикладного искусства. Свыше 3 тысяч уникальных произведений, собранных на выставке народно-прикладного искусства Российской Федерации,— какие это богатые дары нашей промышленности, обслуживающей быт! Большое спасибо народным умельцам скажут все заинтересованные в том, чтобы и в семье, и в клубе, и в театре, и в любом общественном учреждении были изделия нашего многообразного, расцветающего с каждым годом прикладного художественного мастерства и художественной промышленности.

Н. Малышева. НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ. Фарфор.

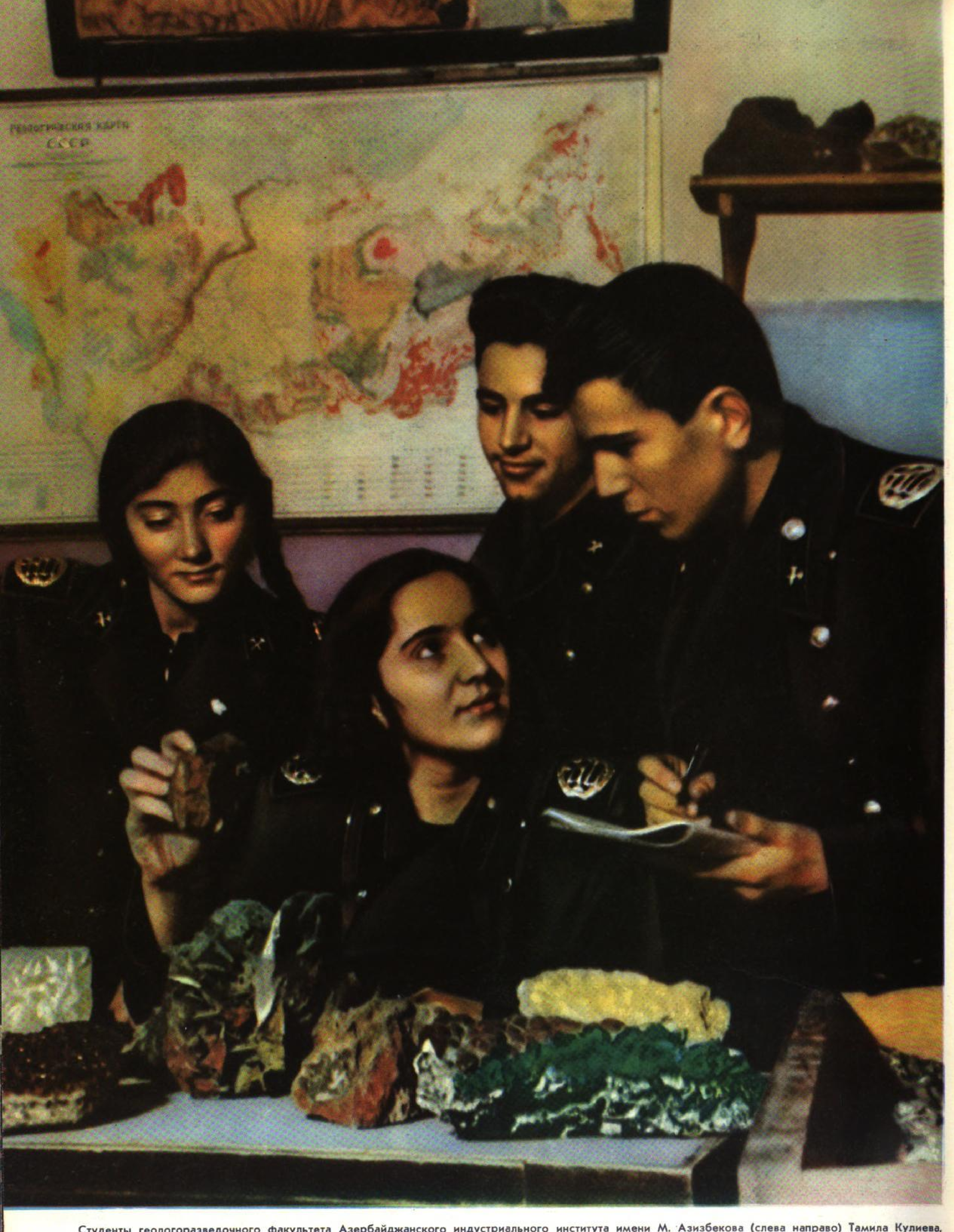

Б. Воробьев. ЛИСА И БОБЕР. Фарфор. Ленинградский государственный фарфоровый завод имени М. В. Ломоносова.

1. **А. Бржезицкая.** КОРЕЙСКИЙ ТАНЕЦ. Фарфор. 2. **О. Богданова.** ОХОТНИК С ЛИСОЙ. Фарфор. 3. **Н. Малышева.** МАЛЬЧИК-НАНАЕЦ. **А. Сотников.** ГУСЫНЯ. Фарфор. 4. **Е. Янсон-Манизер.** Г. УЛАНОВА В РОЛИ ДЖУЛЬЕТТЫ. Фарфор. 5. **М. Холодная.** АЛЕНУШКА И ЗОЛОТОЕ ЯБЛОЧКО. Майолика. 6. **О. Ушаков, Н. Максимов.** ЛЫЖНИЦА. Резьба по дереву.

Нефтепромысел в море (Азербайджанская ССР). Буровой мастер эксплуатационного морского бурения Азат Дадашев (слева) и верхолазы Навруз Нуруллаев и Гайбат Бабаев.
Фото Г. Зельма

Студенты геологоразведочного факультета Азербайджанского индустриального института имени М. Азизбекова (слева направо) Тамила Кулиева, Адиля Рагимова, Шамиль Аскеров и Сабир Мамедов в институтском музее минералогии и кристаллографии за изучением экспонатов.

Фото Г. Зельма

26 января 1952 года в 18 часов 50 минут после продолжительной и тяжелой болезни (рак почки) скончался руководитель Монгольской Народно-Революционной Партии, соратник и друг героя монгольского народа Сухэ-Батора, создатель монгольского народного государства, Премьер-Министр Монгольской Народной Республики маршал Чойбалсан.

По всей Монгольской Народной Республике объявлен всенародный траур. Велика скорбь трудящихся этой страны. В лице Чойбалсана они потеряли великого борца за свободу и независимость монгольского народа, организатора Монгольской Народно-Революционной Партии, под руководством которой монгольский народ сбросил власть феодалов и иноземных колонизаторов и стал на путь строительства народно-демократического государства.

С именем товарища Чойбалсана, отдавшего жизнь делу народной революции и процветания своей страны, связана вся история Монгольской Народно-Революционной Партии, история Монгольской Народной Республики, идущей по пути к социализму.

Советские люди разделяют вместе с трудящимися Монгольской Народной Республики глубокую скорбь по поводу кончины неутомимого строителя народно-демократического монгольского государства — маршала Чойбалсана.

«Народы Советского Союза,— сказано в письме Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), адресованном Центральному Комитету Монгольской Народно-Революционной Партии,— навсегда сохранят светлую память о выдающемся вожде монгольского народа товарище Чойбалсане и выражают уверенность, что монгольский народ будет идти вперед по пути, указанному Сухэ-Батором и Чойбалсаном».

ОТВАЖНЫЙ БОРЕЦ ЗА МИР

К вручению международной Сталинской премии Жоржи Амаду

Рисунок В. Высоцкого

— Народ ежедневно создает новые чудеса поэзии и совершает новые чудеса героизма.

Эти слова принадлежат Жоржи Амаду и относятся к его любимому поэту Кастро Алвеса и к его любимому герою Луису Карлосу Престесу — людям, вышедшим из народа. Но эти слова с полным правом можно отнести к самому Жоржи Амаду — человеку большого и яркого таланта.

Жоржи Амаду родился на плантации какао в штате Баия, там, где и сегодня царят полуфеодальные порядки и где помещики являются хозяевами не только земли, но и людей, работающих на ней.

Здесь юный Амаду познал горькую долю бразильского батрака. А отрочество его прошло в столице штата — городе Баия. Портовые рабочие, матросы мелких рыбачьих судов были его первыми учителями в жизни.

— Мне было двадцать лет, когда я впервые приехал в Рио-де-Жанейро, — рассказывает Амаду. — Тогда я вступил в Коммунистический союз молодежи, и тогда началась моя литературная деятельность.

Известно, что первый роман Амаду был посвящен жизни батраков и назывался «Какао». Сейчас, спустя почти двадцать лет, писатель критически оценивает эту свою первую крупную работу.

— В романе «Какао», — говорит с улыбкой Амаду, — были все недостатки, присущие произведениям двадцатилетнего юноши. Но роман резко отличался от всего того, что было написано до тех пор о бразильской деревне. Дело в том, что выход в свет «Какао» означал разрыв с традиционной помещичьей литературой, идеализировавшей жизнь батраков.

Сейчас Жоржи Амаду 40 лет. Он написал десять романов и замечательную повесть о жизни своего друга, героя и вождя бразильского народа Луиса Карлоса Престеса. Правда и только правда — вот что отличает каждую строку, написанную рукой Амаду, и вот что завоевало ему славу народного художника, борца, революционера.

В 1935 году Амаду уже принимал активное участие в движении Национально-освободительного альянса — широком антифашистском, антиимпериалистическом движении. Через год он был брошен в тюрьму. Одним из первых декретов фашистского правительства было запрещение книг Амаду.

— Ни одна моя строчка, — с горечью говорит Амаду, — в течение шести лет, с 1937 по 1943 год, не была напечатана в Бразилии. Биография Луиса Карлоса Престеса была впервые издана в Аргентине, где я провел годы изгнания, и потом уже нелегально распространялась в моей стране.

В 1942 году Амаду вернулся из Аргентины в Бразилию и снова был посажен за решетку. Реакционные правители Бразилии боялись писателя, боялись его обличительного слова, книг, которые он написал, и еще больше книг, которые он хотел написать.

Тюрьма была для молодого писателя новой серьезной школой. Он сидел в маленькой темной камере и думал о Москве, свет которой проникал сквозь толстые крепостные стены и помогал ему писать книги, выковывать свою волю и верить в великую силу своего народа.

После победы Советского Союза над гитлеровской Германией в Бразилии значительно окрепли демократические настроения. Впервые в своей истории коммунистическая партия вышла из подполья. В эти дни Амаду — директор крупной ежедневной газеты «Оже». Тогда же, в 1945 году, он избирается депутатом парламента. Но через три года писатель вновь вынужден покинуть родные места. С тех пор Амаду путешествует по Европе, Италия, Франция, Швеция, Австрия, Швейцария, Дания — всюду его встречают как полномочного представителя бразильского народа. Во время этих путешествий он неутомимо работает, выступает со статьями, разоблачающими поджигателей войны зовущими к борьбе за мир и дружбу народов. Его радостно встречают Прага, Варшава, Бухарест, Тирана, ибо его устами говорит все лучшее, что есть в бразильском народе, его литературе, науке и искусстве. И, наконец, он приезжает в Москву, где его знают и любят, в Москву, которую он ни разу не видел, но которую полюбил еще юношей и которая оказалась, как он говорит, несравнимо лучше и счастливее, чем он мог себе представить. В этих поездках рождается его новая большая книга «Мир, где царит мир». Это книга о людях нового общества, их славных и смелых делах. В прошлом году книга была издана в Бразилии, но тотчас конфискована, ибо она оказалась именно такой, какой боялись продавшиеся империалистической саранче правители Рио-де-Жанейро.

Все эти годы Амаду получает из Бразилии много писем. Но когда стало известно, что он удостоен международной Сталинской премии, приток писем неизмеримо вырос. Разные письма приходят от разных людей, но в каждом есть одна важная мысль: Сталинская премия Амаду воодушевляет бразильский народ на борьбу, вливает в него новые силы.

— Вчера я узнал, — продолжает Амаду, — о том, что в Бразилии убиты два сторонника мира. Две девушки приговорены к тюремному заключению. Томится за решеткой мой друг, известный прогрессивный писатель Педро Мота Лима. Но борьба за мир разворачивается с новой силой. До сегодняшнего дня ни один бразильский солдат не послан в Корею.

Он произносит последние слова с особой гордостью.

24 января, в 2 часа дня, Жоржи Амаду в сопровождении членов Комитета по международным Сталинским премиям вошел в Свердловский зал Кремля. Здесь уже собрались представители московской общественности. Они встретили Амаду продолжительными аплодисментами. Из рук академика Скобельцына Жоржи Амаду получает диплом лауреата международной Сталинской премии и золотую нагрудную медаль. Он принимает эту высокую награду от имени всех борцов за мир в Бразилии, от имени сборщиков подписей, убитых врагами народа, от имени сборщиков подписей, томящихся в тюрьмах, от имени своего друга Педро Мота Лима и многих других героев, и по праву от имени их всех он говорит:

— Мне оказана великая честь, и я хочу от имени миролюбивого бразильского народа поблагодарить советский народ, его вождя и учителя — мудрого СТАЛИНА за неустанную и беззаветную борьбу за мир и дружбу между народами. Дело мира — это кровное дело человека, и мы победим в этой борьбе. Победа будет за нами!

К. ЕФИМОВ

Накануне 100-летия со дня смерти Н. В. Гоголя

Любовь народная

Горячо любил Н. В. Гоголь Украину. Народу Украины, изумительной украинской природе, могучему Днепру посвятил Гоголь много восторженных слов. Но до революции произведения великого писателя меньше всего издавались на Украине и почти совсем не печатались на украинском языке. Лишь после Октябрьской революции сочинения Гоголя начали издавать в Украинской Советской Социалистической Республике массовыми тиражами на русском и украинском языках.

...Харьков, улица Артема, № 31. Здесь, в старинном красивом доме с массивными стенами, находится Украинская книжная палата. В ее шкафах и сейфах сосредоточено все, что напечатано на Украине за 34 с лишним года. Бережно хранятся в архивах и экземпляры всех украинских изданий сочинений Н. В. Гоголя.

Сразу после окончания гражданской войны на Украине вышли в свет первые издания Гоголя. Перед нами небольшая, карманного формата книжечка, напечатанная на газетной бумаге. На желтой обложке значится: «Гоголь. Загублена грамота». Это — первое произведение Гоголя, вышедшее после революции на украинском языке. Любопытна одна деталь: хотя издание было подготовлено в Николаеве, печатали его в Москве. Вскоре в Харькове вышла массовым тиражом «Сорочинская ярмарка», а затем в Киеве был напечатан «Тарас Бульба».

В хранилищах Книжной палаты находятся многочисленные украинские издания Н. В. Гоголя. Нет на Украине заводской, колхозной, профсоюзной библиотеки, где бы на полках не стояли сочинения великого писателя.

В статистическом отделе Украинской книжной палаты нам сообщили интересные данные: за годы советской власти произведения Н. В. Гоголя издавались на Украине 70 раз, общим тиражом в 1 187 тысяч экземпляров, из них 55 изданий вышло на украинском языке, тиражом в 1 105 тысяч экземпляров. После Великой Отечественной войны сочинения Н. В. Гоголя печатались в Киеве, Харькове, Львове, Одессе, Сталино, Днепропетровске 10 раз; за тот же период дважды выходили в свет избранные произведения Гоголя. Сейчас украинские издательства выпускают новые юбилейные издания, хорошо оформленные и богато иллюстрированные.

А. КАШТАНЬЕР

Театр Иозефа Скупы

«Театр Шпейбла и Гурвинека» — среди двух тысяч кукольных театров, существующих в Чехословакии, трудно найти более популярный, более любимый народом коллектив. Медлительный, солидный папаша Шпейбл и озорной непоседа-сынишка Гурвинек давно вышли за пределы стен родного театра. Их знакомые всей стране забавные фигурки промелькнули на киноэкране, бесконечно воспроизводятся в детских игрушках, статуэтках, книжных иллюстрациях. Веселые беседы, которые они ведут на самые злободневные темы, записываются на патефонные пластинки. И вместе с именами народных любимцев зрители с уважением называют имя их создателя — народного артиста Чехословацкой республики, профессора Иозефа Скупы.

Тридцать пять лет назад драматический актер и режиссер, художник по образованию, И. Скупа начал работать с куклами в одном из старейших кукольных театров страны — театре Новаков. Вскоре у него появилась идея создать свою, не традиционную, а вполне современную куклу, которая могла бы говорить в театре на современные темы и была бы злободневной в самом хорошем смысле этого слова. Скупа вместе с резчиком по дереву, прославленным мастером Густавом Носеком, создал куклу Шпейбла. А несколько лет спустя у Шпейбла совершенно неожиданно для самого Скупы появился сын — Гурвинек, которого вырезал и принес прямо на представление племянник старого резчика. Эти две куклы легли в основу организованного Скупой самостоятельного и совершенно своеобразного театра, носящего их имя. Они же стали главными действующими лицами, непременными участниками каждого представления, умеющими остро и быстро отзываться на любое общественное или политическое событие, высмеять недостатки людей.

Совсем недавно Гурвинек «привел» в семью папаши свою подружку Маничку, и теперь народных любимцев стало трое.

Трудящиеся Чехословакии только что торжественно отметили шестидесятилетие лучшего кукольника страны, посвятившего всю свою жизнь развитию любимого вида национального искусства.

Иозеф Скупа со своими куклами: Шпейбл — в центре, Гурвинек и его подружка Маничка.

Фото Чехопресс

В «нашей Фирсановке»

Фото В. Евграфова

Получены путевки в санаторий «Энергия». На первом плане сталинские стипендиаты Анатолий Шихин (слева) и Сергей Надеждин.

На исходе января закончилась зимняя экзаменационная сессия в высших учебных заведениях. На полгода старше стал каждый курс университетов и институтов.

Для студентов Советского Союза наступило веселое каникулярное время, пора заслуженного отдыха.

...Мы в Московском ордена Ленина энергетическом институте имени В. М. Молотова — одном из сотен вузов страны. В этом институте, корпуса которого занимают целый квартал Первомайского района столицы, готовят инженерные кадры для строек коммунизма.

Непривычно тихо и пустынно в сорока восьми лабораториях МЭИ, в его научных кабинетах и аудиториях. Вчера здесь шли экзамены. Еще белеют на стенах листы: «Примерное расписание самостоятельной работы студентов в период сессии... математический анализ... аналитическая геометрия...» С темных досок, висящих в коридорах факультетов, еще не стерты большие буквы экстренных выпусков, которые в институте называют «меловые молнии». А в учебных корпусах уже появились маляры и плотники. В деканатах факультетов составляют расписания занятий на второй семестр...

Шумная и кипучая студенческая жизнь переместилась в студенческий городок, в клуб, в «институтский дворец физкультуры», как называют студенты свой спортклуб.

В десяти многоэтажных корпусах общежитий началась предпраздничная суматоха. Несколько тысяч студентов, в один день и час получивших отпуск, со всей непосредственностью бушующей молодости собираются отдыхать и развлекаться.

Радостные это хлопоты — укладывать чемоданы, упаковывать вещевые мешки.

Из комнаты в комнату снуют старосты этажей с листками, вырванными из общих тетрадей. Они записывают желающих отправиться в Третьяковскую галерею. Культорги раздают билеты на спортивные праздники, концерты в Большой зал консерватории, в Зал имени Чайковского.

Двери в общежитиях нараспашку. Переговариваются из конца в конец длинных коридоров:

— Наша комната идет в Большой, на «Лебединое озеро».

— А мы в Плющево. Обновлять лыжню!

Кто-то кричит:

— Волейболисты собираются в вестибюле первого корпуса!

Оживленные толпы у клубных афиш, вывешенных в коридорах. Завтра вечер отдыха... Встреча с писателями... Встреча с композиторами... Встреча с футболистами — участниками поездок в страны народной демократии... Творческий отчет артистов МХАТ...

Идет великое и всеобщее переселение студенческого народа в театры, музеи, дома отдыха, на лыжные базы, в спортивные клубы.

Только на первом этаже девятого корпуса студенческого городка, где пушистые ковры и мягкая мебель, где хвойная ванна на ночь так же обязательна, как и стакан простоквашн утром, царствуют покой и несколько торжественная тишина. Студенты, разгуливающие в пижамах и комнатных туфлях, никуда не спешат. Они уже «приехали»: свои каникулы они проведут в ночном студенческом санатории института.

У трамвайной станции, где делают поворот вагоны маршрута № 37, все теснее от юношей и девушек с чемоданчиками и вещевыми мешками, с лыжами и коньками. Кто едет домой к родителям, кто в дом отдыха, кто спешит на каток, кто просто за город, погулять по заснеженному раздолью Подмосковья, полюбоваться сказочной красотой зимнего леса.

Уже выехали на берег Москвы-реки сто тридцать человек, для которых профком закупил места в подмосковном доме отдыха «Полушкино». Шестьдесят студентов отправились на экскурсию в Ленинград. Тронулись в путь все, кто получил путевки в подмосковные и южные санатории ВЦСПС.

В автобус, на Фирсановку!

Все безлюднее становится в общежитиях. А к студенческому городку подходит автобус. Места занимают студенты из числа тех 250, которые проведут каникулы в подмосковном институтском санатории, официально именуемом «Энергия», а попросту и ласково — «наша Фирсановка». Садимся в одну из машин и едем за город вместе с веселой, шумной молодежью.

Розовые и палевые двухэтажные здания санатория выстроены в самом лесу, рядом с разлапистыми елями и соснами, прямыми, как мачты, и такими высокими, что шапку держи, если хочешь взглянуть на верхушку.

Тихо и бело вокруг. Укутанные снегом, гнутся долу упругие ветви елей. А на сосновых иглах снег лежит ватными комочками, как хлопок в лопнувших коробочках. Меж темных стволов часто мелькают березы.

Кабинеты врачей, электро- и водолечебницы снабжены всем необходимым. Казалось бы, ходи и лечись. Мягкие диваны и уютные кресла всюду: в читальне, в комнатах отдыха, во всех коридорах и вестибюлях. Казалось бы, сиди и отдыхай. Но диваны пустуют, и кресла скучают. А врачи жалуются:

— Не любят лечиться студенты.

— А нужно ли им?

И следует уклончивый ответ:

— В каждом организме найдется изъян, и раз приехал человек в санаторий...

Напрасно культработник вместе с художником пишут красивые, завлекающие плакаты: «с 10 до 11 часов — уроки бальных танцев, с 11 — игры с карандашом, с 12 — час скороговорок и занимательных задач...» Студенты целые дни на воздухе. Он особенный в этих лесистых местах. Неспроста, приглашая гулять, здесь говорят: «Идемте пить кислород».

Окрестность наполнена веселыми голосами. Жизнерадостная молодежь будто расцветила все вокруг. И снега заискрились ярче: солнце все дни отсиживалось за тучами, а тут вышло поглядеть на студентов, приехавших в свою Фирсановку, и раздобрилось — щедрыми горстями сыплет мириады блесток под лыжи и коньки.

Словно летом, мелькает мяч над волейбольной сеткой. Звучит музыка над прудом, превращенным в каток. Скользят по кругу конькобежцы. Их много. Им весело. Они чувствуют себя легкими, способными даже взлететь. Одна такая попытка кончается не совсем удачно. И на помощь к смеющейся девушке в зеленой шапочке устремляются товарищи и подруги.

Хрустит под лыжами сухой снежок. Лыжники уходят все дальше в глубину бора, где величавые деревья опушены косматой изморозью, где синеют на снегу извилистые тени.

Все поглощают кислород без нормы, безудержу, большими освежающими глотками. Этот «напиток» даже самые строгие из санаторных врачей не пытаются регламентировать. С улыбкой глядят они, как четырежды в день с завидным аппетитом молодежь «заедает» кислород сытными и вкусными завтраками, обедами, полдниками, ужинами. И только не по душе врачам, что делается это слишком наскоро. Врачи сокрушаются:

— Они совершенно не заботятся о процессе пищеварения.

И лишь вечером культработник берет верх. Все его начинания: лекции о театре и международном положении, киносеансы, концерты московских артистов и самодеятельности, шахматный турнир, танцы на приз и даже «игры с карандашом» — находят внимательных слушателей, благодарных зрителей и деятельных участников.

Розовощекие, крепкие юноши и девушки заполняют читальню, клуб, танцевальный зал и коридоры. Теперь уже диванам приходится нести двойную нагрузку: сидят и на валиках.

...У МЭИ не только собственный санаторий под Москвой. Есть у института и свой дом отдыха в Алупке. Летом в его окрестностях разбивают спортивный лагерь; 250 студентов живут в палатках, у самого Черного моря. Летом и возле «нашей Фирсановки» устраивают спортивный лагерь.

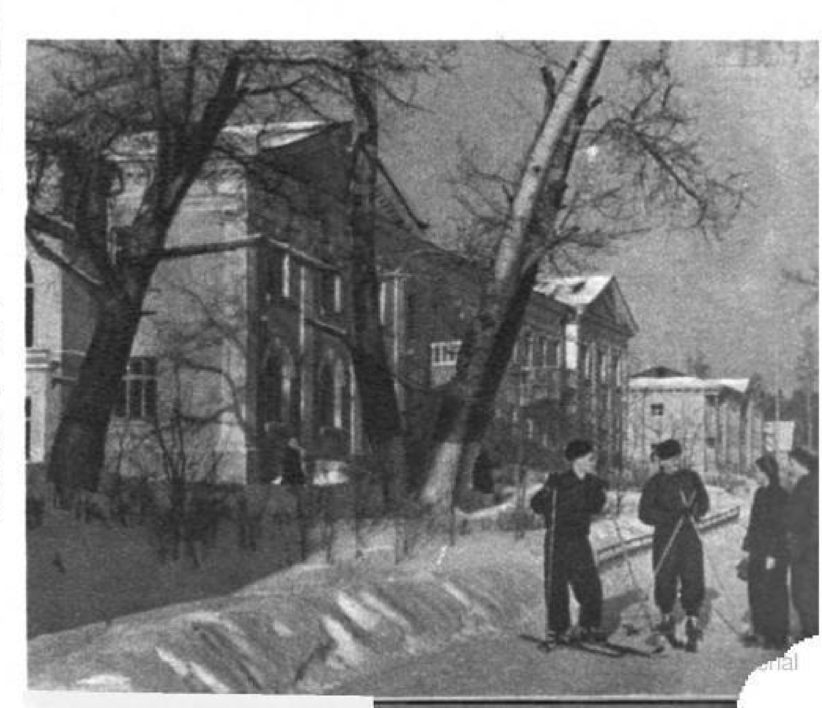
На зимний отдых студентов МЭИ израсходовано около ста тысяч рублей. Сумма сама по себе немаленькая. А если приплюсовать к ней деньги, затраченные на проведение летних каникул, то вырастет она до полумиллиона.

...Семь часов утра. И уже слышен в коридоре громкий шепот:

— Ребята! Предлагаю вместо зарядки сверхраннюю прогулку на лыжах. Кто со мной?

Арк. ЭРИВАНСКИЙ

Идут в лес на прогулку.

О Назыме Хикмете

Где-нибудь в Москве — в шумной студенческой аудитории, или в гигантском зале рабочего Дома культуры, или просто в тесном кружке молодежи — сейчас выступает Назым Хикмет, высокий, улыбающийся, очень моложавый, простой, как его слушатели, человек мужественной жизни, поэт большой человеческой глубины.

Он очень мало рассказывает о себе, а больше о своей Турции, о ее бедных людях, о крестьянах, придавленных к земле нуждой, налогами, долгами, засухой, произволом, о своих товарищах по освободительной борьбе.

С негодованием говорит он об американских дельцах войны, превративших Турцию в трумэновскую колонию, в плацдарм для нападения на Советский Союз.

С любовью говорит он о Советском Союзе, о Москве, которую вновь увидел разросшейся вширь и ввысь, с волнением сына говорит он о Сталине, о великом друге трудящихся своей родины и первом знаменосце мира.

Потом он читает стихи на турецком языке. И эти стихи понятны слушателям. Эти стихи знакомы им по переводам советских поэтов. Но живой голос поэта, удивительный ритм богатых и весомых строк — все это «объясняет» перевод, делает зримой поэзию Хикмета. Слушатели много раз подымаются со своих мест, чтобы, стоя, потрясти зал грохотом аплодисментов и хором возгласов: «На-зым Хик-мет! На-зым Хик-мет!»

Право на такую любовь, на такую славу завоевано мужественной жизнью и такой же поэзией. Завоевано цельностью личности, единством творчества. Я познакомился с Хикметом четверть века тому назад,— как он похож был на сегодняшнего! И не только внешностью, но и линией своей поэзии, ее направлением, целью, идеями, чувством! Нельзя сказать о тех, прежних стихах Хикмета: «старые стихи»,— напротив, они «молодые стихи» и остались такими. Сегодня Хикмет мог бы их вновь написать, и мы сказали б о них: «новые стихи», так они актуальны, верны и свежи.

Но это вовсе не значит, что Хикмет не изменился, не двигался. Совсем не так.

Жизнь его сложилась невероятно трудно. Казалось бы, осужденный на тридцать пять лет заключения, он мог опустить руки, страшно затосковать, лишиться голоса. В тюрьме Бурсы отбирали бумагу, карандашные огрызки. И тут Хикмет совершил свой великий поэтический подвиг. Он показал, что для истинной поэзии не существует невозможного. Он писал свои стихи мысленным пером на бумаге памяти, он рассказывал их уходящим на волю, и эти стихи обходили всю Турцию. Потом в тюрьме появились неуловимые «курьеры», которые выносили творения Хикмета из тюрьмы и разносили их по всему свету.

Это не были стихи безвыходного одиночества. Это были стихи человека, презирающего толщину стен и хитрости замков, человека, решившего бороться во что бы то ни стало. Свою неволю он превратил в образ неволи своего народа. Хикмет стал колоть глаза жестоким правителям Турции — тюремщикам турецкого народа. Они сначала затыкали уши и жмурили глаза, но голос человечества заставил их вставить ключ в замок и отпереть дверь тюрьмы Хикмету...

Все знают, что было дальше, как любовно, по-матерински встретила его Советская страна, как была ему присуждена Международная премия мира, как встречали его юноши со всего света на Берлинском фестивале, как надевали ему московские пионеры почетный красный галстук...

И нам, его товарищам по поэзии, по борьбе за мир и человеческое счастье, радостно было поздравить поэта с пятидесятилетием трудной, но прекрасной жизни, пожать ему руку и обнять его в переполненном зале имени Чайковского, перед огромной аудиторией советских людей, пришедших в этот зал, чтобы громом аплодисментов подтвердить любовь и уважение советских читателей к жизни и труду Назыма Хикмета.

Семен КИРСАНОВ

На вечере, посвященном 50-летию Назыма Хикмета. В президиуме (слева направо, первый ряд): Назым Хикмет, Константин Симонов, бразильский писатель Жоржи Амаду, кубинский поэт Николас Гильен, Николай Тихонов, академик В. А. Гордлевский.

Фото А. Гостева

Абсолютная чемпионка Советского Союза 1952 года в скоростном беге на коньках заслуженный мастер спорта Римма Жукова.

Фото О. Кнорринга

Шесть золотых медалей

В течение двух дней на высокогорном катке общества «Искра» близ Алма-Аты сильнейшие спортсменки страны оспаривали звание чемпионки СССР по скоростному бегу на коньках.

В нынешнем сезоне очень сильно выступает Римма Жукова, но ее преследовали неудачи: она падала на дорожке и дважды упускала возможность занять первое место в ответственных соревнованиях. Жукова хорошо подготовилась к последним состязаниям на первенство Советского Союза.

Кто же помимо нее был основным претендентом на звание абсолютной чемпионки? Прежде всего представители старшего поколения, уже более полутора десятков лет выступающие на ледяной дорожке: Ольга Акифьева и Татьяна Карелина. Мария Исакова, не оправившаяся после болезни, не могла показать высоких результатов.

Уже первое состязание на полукилометровую дистанцию выявило стремление молодежи бороться с признанными мастерами. Чемпионкой СССР стала студентка Горьковского педагогического института иностранных языков Наталия Донченко. Ее результат — 47,7 секунды — никто не мог улучшить. Неоднократная чемпионка страны на эту дистанцию Марианна Валовова проиграла молодой спортсменке одну десятую долю секунды.

В следующем беге, на 3 тысячи метров, в первой же паре встретились Жукова и Холщевникова. Обе они славятся умением бежать на длинные дистанции.

На сей раз Жукова показала свое превосходство. Всю дистанцию она пробежала за 5 минут 26,4 секунды. Если учесть, что в это время ртуть термометра поднялась до 5 градусов тепла и бежать по мягкой дорожке было очень трудно, результат Жуковой следует признать блестящим.

На следующий день погода благоприятствовала спортсменкам. В первой паре на тысячу метров стартовали Р. Жукова и Н. Авдонина. Бег начался. На повороте у самой бровки стоит Акифьева — постоянная соперница Жуковой на дорожке и близкая подруга в жизни.

Акифьева волнуется за исход бега.

— Двести метров пройдено за 21 секунду, — передали по радио.

— Круг за 36 секунд.

Невиданный темп!

— Римма, Риммочка, держись, идешь на рекорд! — кричит ей вслед Акифьева.

Жукова прекрасно прошла всю дистанцию за 1 минуту 36,6 секунды и на 0,2 секунды побила мировой рекорд, установленный в прошлом году на этом же катке С. Кондаковой.

Выиграла Жукова и бег на 5 километров. Она не только заняла первые места на 3 дистанциях, но набрала рекордную сумму очков по многоборью — 208, 750.

В одном состязании она завоевала 6 золотых медалей. Второе место заняла Акифьева, третье — Карелина.

Следует отметить и успех молодых спортсменок — Н. Донченко, Н. Авдониной и В. Постниковой.

Наши конькобежцы не знают устали. Пользуясь хорошей погодой, мастера вышли на лед, чтобы улучшить рекорды. Некоторым это блестяще удалось. Так, москвич Н. Мамонов пробежал 5 километров с невиданным доселе результатом — 8 минут 3,7 секунды. Это новый рекорд мира. Старый принадлежал норвежцу Я. Андерсену. Н. Мамонов добился рекордного числа очков в сумме 4 дистанций — 189, 770.

П. Беляев побил мировой рекорд в беге на 3 тысячи метров — 4 минуты 42,1 секунды, а Ю. Сергеев — в беге на километр — 1 минута 25 секунд.

Р. Жукова установила новое достижение страны на самую трудную для нее дистанцию — 500 метров. Ее время — 46,6 секунды.

За январь мужчины 19 раз, а женщины 4 раза устанавливали всесоюзные рекорды, из которых 12 превышали мировые.

Таковы блистательные успехи наших скороходов.

Еф. РУБИН

Высокогорный каток близ Алма-Аты.

Заслуженный мастер спорта Н. Мамонов.

Мастер спорта П. Беляев.

Уральские гидромашины

В минувшем году заводы Урала отправили стройкам коммунизма много первоклассных машин. Производство некоторых из них освоено впервые.

Большую победу одержал Уральский завод гидромашин. В короткий срок он освоил производство насосов для насосных станций Волго-Донского канала. Уральские насосы имеют автоматическое управление с электродвигателями мощностью в 2 300 и 4 400 киловатт. Каждый из этих насосов может перекачать десятки тысяч кубических метров воды в час!

Много технических трудностей пришлось преодолеть строителям гидромашин, но «уральская живинка» сказалась и здесь. Были широко использованы сварные конструкции. Инженер Мархасев и мастер Титов с помощью бригады Московского научно - исследовательского института автогенной промышленности удачно применили электрометаллизацию отдельных частей машин. Новая технология помогла создать на металле прочный слой нержавеющего покрытия. Это позволило значительно сократить расход дорогой специальной стали.

В жизни коллектива Уральского завода гидромашин начало 1952 года отмечено еще одним знаменательным событием — изготовлена первая турбина для Самгорской оросительной системы имени И. В. Сталина. Новая турбина сконструирована с учетом полной автоматизации дистанционного управления. Подобный тип турбин также осваивается в стране впервые.

А. НЕКРАСОВ

Бригадир сборщиков А. К. Светлаков за сборкой дроссельного затвора первой турбины Самгорского гидроузла.

Решающая встреча

Фото А. Бочинина и А. Бурдукова

Две сильнейшие столичные команды — Центрального дома Советской Армии и Военно-Воздушных Сил — к концу розыгрыша первенства страны по хоккею с шайбой пришли с одинаковыми показателями. Для того, чтобы определить чемпиона, была назначена решающая встреча. Она привлекла около тридцати тысяч зрителей и, естественно, имела большой спортивный интерес.

Зрители не были обмануты в своих ожиданиях. С первых минут и до последнего удара в колокол, оборвавшего состязание, игра проходила в очень быстром темпе и изобиловала множеством красивых комбинаций и неожиданных игровых ситуаций у ворот. Уже на второй минуте В. Бобров (ВВС), взяв шайбу на своей половине поля, отлично владея клюшкой, обвел всех игроков, вступающих с ним в единоборство, подошел к воротам ЦДСА и... красная лампочка вспыхнула. Счет 1 : 0. К концу первого периода он же увеличил счет до 2 : 0.

Тренер и капитан хоккейной команды Военно-Воздушных Сил заслуженный мастер спорта Всеволод Бобров.

Перед самым перерывом сильный бросок шайбы пришелся в верхнюю перекладину ворот ВВС, и армейцам не удалось уйти от «сухого» счета.

Второй период проходил при явном преимуществе команды ЦДСА. Все ее игроки энергично нападали. Интересно, что лед на половине ВВС был изрезан и покрыт снежной пылью, в то время как площадка армейцев была чиста. Все же второй период закончился ничейным итогом — 1 : 1 (причем шайба в ворота армейцев попала не без помощи вратаря Б. Афанасьева).

Последняя треть состязания протекала в обоюдных и острых атаках. Капитан команды ЦДСА Н. Сологубов забросил вторую шайбу в ворота летчиков. Но большего армейцы достичь не могли.

Команда Военно-Воздушных Сил вновь завоевала почетное звание чемпиона Советского Союза.

Летчики весь сезон провели уверенно. Их игру отличала хорошая физическая и техническая подготовка. В этом году заметнее стали коллективные усилия команды, почти исчезла «тактика» игры на В. Боброва, в рисунке атаки выделяется длинная поперечная передача шайбы. Несомненно, улучшилась техника обращения с клюшкой, приема на корпус и броска шайбы. Почти все нападающие (особенно В. Бобров) умело поднимают шайбу и посылают в нужном направлении. Успеху способствовало и то, что летчики имеют два примерно равноценных состава.

В этом сезоне почти стерлась разница между функциями защитников и нападающих.

Это особенно видно в игре летчиков и армейцев. Защитники ВВС А. Виноградов, П. Жибуртович, пользуясь быстрым бегом на коньках, покидают свою половину поля и все время находятся в непосредственной близости от своих нападающих, стараются подхватить проигранную ими шайбу и вновь начать атаку. Так они «запирают зону».

Вся команда ВВС играла в течение сезона хорошо и дружно. Но все же нужно отметить тренера и капитана команды — заслуженного мастера спорта Всеволода Боброва. Это отличный техник и тактик. Он виртуозно владеет шайбой и клюшкой на быстром ходу, прекрасно делает обманные движения, его выезды из-за ворот, крутые виражи и редкие по силе и меткости броски всегда держат защитников и вратаря в состоянии крайнего напряжения.

В финальной пульке команда ВВС провела 11 состязаний, из них 10 выиграла и одно проиграла.

Второе место завоевал коллектив Центрального дома Советской Армии. Его тренер заслуженный мастер спорта А. Тарасов сумел за короткий срок создать сильный, боеспособный коллектив молодых, энергичных хоккеистов, которые ни в чем не уступают опытным мастерам. Особенно радует рост таких молодых спортсменов, как Н. Сологубов, А. Комаров, А. Черепанов, В. Быстров, М. Гащенков.

Третье место заняли динамовцы столицы, четвертое — команда общества «Крылья Советов».

Хоккейный сезон продолжается. Игры на «Кубок СССР» дадут возможность этим первоклассным коллективам вновь встретиться и в полной мере проявить свои данные.

Судья Всесоюзной категории
Н. ЛАТЫШЕВ

Команда Военно-Воздушных Сил — чемпион страны 1952 года по хоккею с шайбой.

В. Бобров (№ 9) забросил первую шайбу.

Защитник А. Виноградов (крайний справа) включился в атаку своей команды.

Смена составов...

Борьба за шайбу.

Судьи внимательно следят за игрой.

ЗА РУБЕЖОМ

Заместитель премьер-министра Германской Демократической Республики и председатель Христианско-демократического союза Германии Отто Нушке выступает с обоснованием проекта избирательного закона на заседании Народной палаты.

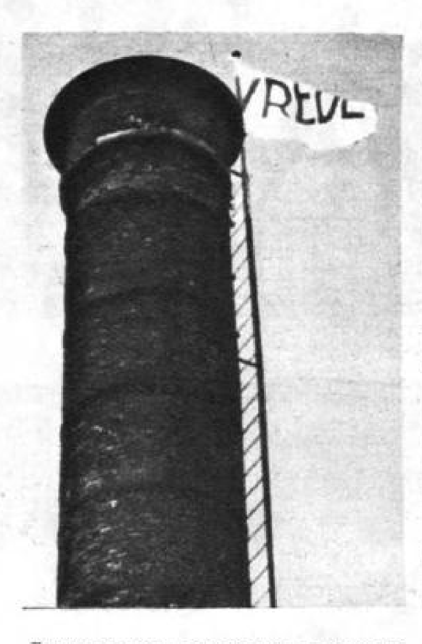
Фото А. Крылова

В ходе народного опроса, проводимого вопреки воле боннских властей, подавляющее большинство населения Западной Германии высказалось против ремилитаризации, за создание единой, миролюбивой Германии. На снимке: демонстрация в Дюссельдорфе против готовящегося закона о воинской повинности.

«Мы полны решимости превратить 1952 год в великий год мирного национального дела немецкого народа», — заявил премьер-министр Отто Гротеволь на состоявшемся в январе этого года 16-м пленарном заседании Народной палаты Германской Демократической Республики. Народная палата единогласно одобрила представленный правительством проект закона о проведении общегерманских выборов в Национальное собрание. Этот проект передан немецкому народу для свободного и открытого обмена мнениями.

Сейчас, когда правящие круги США и их боннские марионетки готовятся начать принудительный набор в западногерманскую реваншистскую армию, протесты против ремилитаризации Западной Германии звучат с особой силой. Предложения правительства Германской Демократической Республики о проведении общегерманского совещания и свободных демократических выборов в Национальное собрание получают мощную поддержку всего немецкого народа и народов Европы, не забывших ужасов гитлеровской оккупации.

Голландская молодежь вывесила флаг мира на сорокаметровой заводской трубе в Амстердаме.

Английские сторонники мира протестуют против ремилитаризации Германии. Их плакаты призывают не забывать о гитлеровских бомбардировках.

Замечания по поводу...

ФИГОВЫЙ ЛИСТОК

В связи с предстоящим вступлением в силу так называемого «мирного договора» с Японией находящимся там американским солдатам и офицерам официально предписано соблюдать вежливость, шоферам — «считаться с японскими пешеходами», а женам и дочерям военнослужащих... не появляться на главных улицах Токио в одних только трусиках и лифчиках. (Из газет).

**Сколь пикантна в «мирной» фазе
Агрессивная затея!
Вот что сказано в приказе
Генерала Риджуэя:**

**«Пусть солдаты, офицеры
Впредь учтут, что очень близко
Наступленье «мирной эры»,
Возвещенной в Сан-Франциско.**

**Будьте в практике дальнейшей
Деликатности примером —
И заигрывая с гейшей
И беседуя с премьером.**

**В отношении народа
Соблюдайте пункты те же:
Постарайтесь пешехода
С ног сбивать возможно реже.**

**Пусть, забыв о Новом свете,
Впредь не ходят ваши «девы»
В упрощенном туалете
Простодушной миссис Евы.**

**Здесь нельзя (вы все ж не дома!)
Появляться в голом виде,
Так, как в штате Оклахома
И в культурнейшей Флориде.**

**Мисс, прикройтесь хоть платочком
Иль отсутствие халата
Компенсируйте... листочком,
Сан-францисского «трактата»!**

Эмиль КРОТКИЙ
Рисунок Бориса Лео

Участники демонстрации против приезда Аденауэра в Париж отданы французскими властями под суд. Но и здесь продолжает звучать их голос протеста.

ЯН КОЛЛАР

К столетию со дня смерти

Ян Коллар.

24 января 1852 года умер родоначальник новой чешской поэзии Ян Коллар, горячий пропагандист идеи братства славянских народов. Биография Коллара небогата выдающимися событиями. Словак по происхождению, он родился в 1793 году в местечке Мотовцы. Учился в Братиславе, изучал философию и богословие. В 1817 году отправился в Иенский университет, чтобы завершить свое образование.

Около тридцати лет беспрерывно Коллар был проповедником словацкой общины в Будапеште. В 1849 году он принял должность профессора славянской археологии в Венском университете, которую занимал до самой смерти.

Будучи студентом, Коллар часто путешествовал по окрестностям Иены, видел реки, горы и селения со славянскими названиями — свидетельство былой славы славянских народов. Коллар тяжело переживал порабощение своих братьев, он с горечью наблюдал, как преследуется его родной язык, всякое проявление национального духа. Одаренный юноша решает силой поэтического слова бороться за объединение славянских народов.

Свою поэтическую деятельность Коллар начал с любовных сонетов в духе Петрарки. Они были обращены к Мине, девушке, которую Коллар горячо любил. Мина происходила из семьи, предки которой были славянами. Постепенно в любовную лирику Коллара вплетаются патриотические мотивы, он отождествляет образ своей возлюбленной с судьбой и образами славянства, называет ее дочерью славянской богини Славии.

Из отдельных сонетов возникает огромное произведение, проникнутое одним духом, одной идеей,— знаменитая поэма «Дочь Славии». Поэма включает в себя более шестисот сонетов. В них Коллар воспевает великое прошлое славянства, выдвигает идею тесного содружества славянских народов, мечтает о свободном будущем.

Коллар хотел, чтобы каждый славянский народ развивался свободно, самобытно. Он призывал к тому, чтобы славяне лучше изучали культуру, язык своих братьев. Он очень любил Россию, внимательно изучал русскую культуру, литературу. Еще в Иене он встречался с русскими студентами, от них он узнал оды Державина. Он переводил оды Ломоносова, изучал «Историю государства Российского» Карамзина. Коллар видел и знал, что усиление русской нации вливает в сердца всех славян надежды на освобождение. Могучий дуб, всему противостоящий, выстоявший против всех врагов,— вот какой видит Коллар Россию. Герои русского народа Минин и Пожарский были близки патриотическому духу Коллара, он написал замечательный сонет о Москве, которая не сдалась Наполеону. Он воспевал Ломоносова, Суворова, Жуковского. Узнав о гибели Пушкина, Коллар написал сонет, полный печали.

Конечно, не от русского царизма он ждал помощи, а от русского народа.

Произведения Коллара были известны передовым людям дореволюционной России. Его знаменитое сочинение о родстве и взаимности славянских литератур дважды переводилось на русский язык. Великий украинский поэт Т. Г. Шевченко писал: «Читайте Коллара».

Осуществилась мечта замечательного поэта. Счастливой, радостной жизнью живут ныне славянские народы. Многое во взглядах и поэзии Коллара ныне нам покажется наивным и устаревшим. Другими путями, иначе, чем думал Коллар, пошли народы Чехословакии, Польши, Болгарии к свободе. Но великий труд Коллара, всю свою жизнь посвятившего служению родному народу, делу единения славян, останется на многие годы. Имя Яна Коллара всегда будет дорогим для славянских народов.

П. ПРОНИН

Лыжники

Я. ВОХМЕНЦЕВ

Рисунки О. Верейского

I

Медлительно зимнее солнце взошло
И смотрит, не грея, на наше село.
Румяное племя — спортивный народ —
Сегодня стартует от каждых ворот.
Далёко разносится смех детворы,
Шлифующей лыжами склоны горы.
Похныкал немного трехлетний малыш
И ждет, успокоясь, обещанных лыж.

II

Две ровных дорожки уходят в тайгу,
Где елочки птичьих следов на снегу,
Да медная мелочь сосновой коры,
Да иней на ветках у лисьей норы.
Тайга разукрашена щедрой зимой.
Лишь к ночи охотник вернется домой.
На зависть трофеи в его ягдташе.
Такая прогулка ему по душе.

III

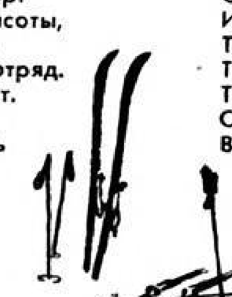
Неловкие лыжи ногами влача,
Бредет гражданин по совету
 врача.
На шапке, на шубе, на варежках
 снег —
Запыхался, видно...
 Чудак-человек:
Упорно старается сбросить жирок,
Но все ж сомневается, будет ли
 прок.
Боится, что после шальной аппетит
Двукратно потери ему возместит.

IV

В добротных сугробах укрыта стерня.
По хрусткому полю змеится лыжня.
Глава укрупненной колхозной семьи
Дозором обходит владенья свои.
Он тысячу раз средь лощин и холмов
Линейкой зондирует снежный покров,
Стирает со лба неожиданный пот
И что-то поспешно заносит в блокнот.

V

Застрял на дороге проезжий шофер,
Напрасно машина скребет косогор:
С разгону возьмет полвершка высоты,
И — белые вьются за нею хвосты.
Но тут, словно с неба, свалился отряд.
У лыжников щеки румянцем горят.
Увидели сразу, что надо помочь,
И верные лыжи отброшены прочь

VI

Трещит и колышется мерзлый камыш,
Ломаются стебли под натиском лыж.
Тростник не преграда для этих ребят,
Уже одолевших десяток преград.
Уводят все дальше ребят от реки
Холмы да овраги, кусты да пеньки...
— Держите зверюгу!
 Летит из-под ног
Живым оказавшийся снежный комок.

VII

Там двое внезапно оставили кросс:
Им надо решить наболевший вопрос.
И свежая надпись гласит на снегу:
«Наташа, я жить без тебя не могу».
Склонилась она, подтянула ремни
И с места рванулась:
 — А ну, догони!
Посыпана искрами снежная гладь.
Догонит ли парень? Еще б не догнать!

VIII

Те вниз по извилистой узкой реке
Стремительней ветра скользят налегке;
Им нынче огромная скорость нужна,
Такая, чтоб дух захватила она.
Тех ветер, должно быть, на горы занес,
Туда, где в снега упакован утес.
С трамплина — с отвесной гранитной скалы —
Взлетают спортивные наши орлы.

Пионерская дружина

В пионерской дружине 330-й московской школы почти тысяча ребят. Первые советчики пионерской организации — педагоги. Председатели советов отрядов, редакторы стенных газет часто собираются у директора школы А. Т. Мостового. На педагогическом совете выступают с сообщениями старшие пионервожатые школы Л. Кривова и В. Грибов, педагоги по образованию.

Во главе 26 отрядов стоят ученики старших классов. Каждый пятый комсомолец школы — вожатый или помощник вожатого.

Интересными делами занимаются пионеры, самым разным темам посвящены их сборы: жизнь и деятельность великих вождей трудящихся В. И. Ленина и И. В. Сталина; борьба за мир; стройки коммунизма; страны народной демократии. Пионеры обсуждают свои любимые книги, совершают экскурсии. В спортивных секциях занимается около 200 ребят. Хорошей традицией стал ежегодный пионерский спортивный вечер. А главная забота дружины — добиваться успешной учебы всех пионеров — от малышей-второклассников до подростков из 7-го класса.

Прежде всего учеба

Весь 7-й класс «А» возмущен: у Юры опять двойка по географии.

— Вчера я его спросил: все выучил?.. Говорит, все, а сегодня стоит у карты и молчит. Подвел наше звено,— горячится звеньевой.

— Что нам делать с Юрой? — спросили ребята у классного руководителя Ольги Петровны. Ольга Петровна посоветовала прежде всего проверить, как проводит Юра день после школы. Он утверждает, что делает уроки с трех до шести. Но мать его в эти часы работает. Возникает сомнение: так ли уж аккуратен Юра?

Совет оказался полезным. С трех до шести мальчика не раз заставали во дворе. Приходилось напоминать ему: пора заниматься. А после шести проверяли, все ли в порядке с уроками.

Лева, с которым Юра сидел за одной партой, раньше позволял ему списывать домашние задания. Но совет отряда потребовал:

— Прекрати такую «помощь». А то будешь отвечать за нетоварищеское отношение.

Пионеры 330-й школы совершают «путешествия» по разным странам мира: они изучают карты, читают книги и газеты, советуются с учителями географии и истории. На снимке: пионеры готовятся к «путешествию» по странам народной демократии. У карты — старший пионервожатый В. Грибов.

Теперь Лева не показывает товарищу готовых решений, а только проверяет его работу.

Если у кого-нибудь действительно возникают затруднения в учебе, ему помогают лучшие ученики класса. Но уж если пионер ленится, товарищи требуют от него объяснений на звеньевых сборах, вызывают на заседания совета отряда. Весь отряд чувствует ответственность за успеваемость каждого пионера. Теперь хороший ответ Юры по географии радует товарищей и расценивается как успех отряда. Недаром вторую четверть пионерский отряд закончил без единой двойки.

«Наша почетная пионерка»

Ребятам из 6-го класса «Б» понравилась книга И. Карнауховой «Повесть о дружных». Кто-то принес книжку в класс, и ее читали по очереди. Классный руководитель Марфа Владимировна на заседании совета отряда сказала:

— Вы бы устроили конференцию по «Повести о дружных». Книга полезная.

Конференция прошла оживленно. Всем нравилась дружба героев книжки — Миши и Чижика.

— Миша не побоялся пойти в лес спасать девочку. Вот это друг! — восхищался Женя.

Марфа Владимировна внимательно слушала пионеров. Она неспроста предложила им обсудить именно эту книгу. Когда мальчики прочли книгу, учительница предложила:

— А теперь, ребята, поговорим о дружбе в нашем классе. Такая ли она, как у Миши с Чижиком?

И выяснилось, что совсем не такая: есть в классе настоящие друзья, которые помогают друг другу. Но их мало.

Разговор получился искренний и взволнованный. А через несколько дней пионеры пришли к своей учительнице.

— Марфа Владимировна, Володя болен уже второй месяц. Мы решили ходить к нему домой и вместе заниматься, чтобы он не отстал...

— Очень хорошо! — одобрила Марфа Владимировна.— Так и поступают настоящие друзья!

Марфа Владимировна — не только воспитательница, но и первый друг пионеров. С большим педагогическим тактом направляет она работу пионерского отряда. И мальчики называют свою шестидесятилетнюю учительницу «нашей почетной пионеркой».

Беседы о вожде

Саша еще раз просматривает специальный выпуск отрядной стенной газеты 4-го класса «Б», посвященной Иосифу Виссарионовичу Сталину. В центре — большой портрет товарища Сталина. Ровные строчки аккуратно выписаны крупным детским почерком.

Саша трудился долго: выбирал портрет и стихи, с помощью учительницы Елизаветы Андреевны коротко изложил биографию товарища Сталина. Поручение отряда выполнено: газета готова. Но понравится ли она ребятам? Что скажет вожатый?

Саша бежит в школьную библиотеку: наверно, вожатый готовится там к завтрашней беседе.

— Володя, посмотри газету. Она в пионерской комнате...

Две головы склоняются над газетой.

— Хорошо, Саша. Только почему ты не взял юношеский портрет Иосифа Виссарионовича? Ведь тема нашей беседы — «Детские и юношеские годы товарища Сталина».

Саша вздыхает:

— Понимаешь, мама не позволила вырезать из книги...

— Ну, давай вывесим газету в классе. И не забудь, беседа завтра, ровно в шесть.

...В классе тихо. Пионеры внимательно слушают рассказ вожатого о том, как учился юный Сталин, как он помогал своим товарищам, как в пятнадцать лет стал революционером. Взволнованно читает Володя отрывок из поэмы Георгия Леонидзе «Сталин».

В тот же день в пионерском отряде 5-го класса «Д» комсомольцы провели беседу: «Сталин — знаменосец мира». Живо и увлекательно рассказывали они пятиклассникам о борьбе людей доброй воли за мир, против поджигателей войны, о подвиге Раймонды Дьен, о мужестве французских докеров, которые отказались разгружать американское оружие.

На своих сборах и беседах пионеры 330-й школы знакомятся с жизнью и деятельностью Ленина и Сталина, на примере великих вождей учатся беззаветному служению своему народу, Родине.

Будем как Зоя

— Бабушка, а где стояла Зоя?

— Вот здесь. Я ее в щелку видела. Лицо у нее было строгое, гордое...

Затаив дыхание, слушают пионеры рассказ старой колхозницы, в дом которой фашисты привели на допрос Зою Космодемьянскую.

Ребята медленно идут по Петрищеву. Десятилетний школьник тихо говорит соседу:

— Может, Зоя вот по этой улице шла?

— Может быть. Не мешай сейчас.

Пионеры останавливаются у памятника. На этом месте была виселица. Школьники бережно кладут к подножью венок с приколотой к нему запиской: «От пионеров 330-й школы города Москвы».

В сельсовете, в уголке Зои Космодемьянской, они встречаются с бывшим партизаном. Он спрашивает их:

— Все видели? Все запомнили?

— Все.

— Ну, и что решили?

Ребята молчат. Вперед выступает семиклассник Олег.

— Мы скоро вступим в комсомол,— горячо говорит Олег.— Зоя — пример для каждого из нас, будем как Зоя!

...Четверо пионеров-одноклассников вступили в комсомол. Их поздравляли товарищи, а Гена тихо спросил у Олега:

— Помнишь, что ты сказал там, в Петрищеве?

— Помню. Будем как Зоя!

И. ИЛЬИЧЕВА

Прием в пионеры — самое торжественное событие в жизни школьника. Этого дня с нетерпением ожидали ученики 2-х и 3-х классов московской 330-й школы.

Зал государственного Музея Революции СССР. На сборе пионерского отряда малыши дают торжественное обещание юных пионеров. С гордостью они поглядывают на только что надетые алые галстуки и пионерские значки.

— Пионер, к борьбе за дело Ленина — Сталина будь готов! — звучит призыв.

— Всегда готов! — голос второклассника Юры Журбы звенит от волнения, рука впервые поднята в пионерском салюте.

Фото И. Тункеля

— Председатель совета отряда, к костру!
— Есть к костру!
— Зажечь костер!
— Есть!

Мягкий красноватый свет озаряет лица ребят. Невольно забываешь, что «костер» сделан из электрических лампочек. Кажется, что в пионерской комнате шумят ветви леса, потрескивают горящие сучья. Интересно провести сбор отряда у пионерского костра! И как увлекательно звучит рассказ вожатого — восьмиклассника Лени Лещинского — о большой дружбе великих людей — Ленина и Сталина! Затаив дыхание, слушают комсомольца пионеры 3-го класса «Г».

↓

Голубые линии каналов, зеленые полосы лесонасаждений, вышки гидростанций. Это рельефная карта великих строек коммунизма. Ее с большой любовью делают для своих младших товарищей ученики 8-го класса «В» — бывшие пионеры лучшего отряда дружины. Карта почти готова. Комсомольцы показывают подарок своему классному руководителю Анне Васильевне Петриковой.

— Нет ли ошибок, Анна Васильевна?
— Все правильно. Хороший подарок вы сделаете пионерам.

Тихо в школе. Ученики разошлись по домам. И только в одном из классов 2-го этажа ярко горит свет. Девятиклассники-комсомольцы Лев Пехтерев (на первой парте) и Михаил Венедиктов после уроков помогают пионерам-шестиклассникам Толе Карпову и Гене Маркину. У Толи не ладится с арифметикой, у Геннадия — с английским языком.

Так уж повелось в 330-й школе: комсомольцы внимательно следят за учебой пионеров и помогают им глубоко и прочно овладевать знаниями.

И. И. Левитан. ВЕСНА. Из частного собрания.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Рассказ

Юр. НОВОЖЕНОВ

Рисунки В. Высоцкого

I

Предстоял рейс в районный городок.

Агроном Сергей Иванович обмотал худую шею пестрым шарфом, взглянул на небо и надел на пальто жесткий, словно сделанный из жести, брезентовый плащ. Шофер МТС дядя Ваня, пожилой человек в замасленной кепке, весело спросил:

— Деваху в кабину, что ль, определим? А, Сергей Иванович?

— Не придется. В кабине поедет Ольга Васильевна с ребенком.

Дядя Ваня с сожалением взглянул на тоненькую фигурку Кати, сидевшей на бочке с горючим.

— Вы не здешняя? — спросил он.

— Из области,— ответила Катя,— с курсов.

— Ну, понятно,— кивнул дядя Ваня, полез в кабину и достал из-под сиденья ватный чехол от мотора.

— На-ка, милая, оденься. Наверху-то ветерок гуляет, а простужаться тебе нельзя: не в гости едешь!

— Спасибо, не зябко,— ответила Катя, однако чехол взяла и положила на колени.

Подошла Ольга Васильевна, жена механика МТС, с толстой девочкой на руках. Сергей Иванович поставил ногу на колесо, неуклюже перевалился через борт в кузов. Ольга Васильевна села в кабину. Агроном похлопал ладонью по крыше кабины.

— Поехали, дядя Ваня! Что там копаешься?

— Подшипник выжимной нашел,—смущенно ответил шофер.

— Вечно что-нибудь подцепишь, барахольщик,— усмехнулся агроном.

— Должно, потерял кто-нибудь,— задумчиво проговорил дядя Ваня.— А вещь-то драгоценная!

Он подул на подшипник, завернул его в чистый носовой платок и сунул в карман: пригодится!

Машина осторожно выползла со двора МТС, помчалась по улице. Промелькнули новые, недавно построенные дома, от которых даже издали, казалось, пахло сосновой смолой, колодец с нацеленным в небо журавлем, старуха с ведрами.

— С полными! Удача! — звонко сказал Сергей Иванович и подмигнул Кате.

— Неужто в приметы верите? — засмеялась девушка.— Вот не ожидала.

Агроном неопределенно махнул рукой и улыбнулся.

Выехали из поселка и покатили по прямой дороге. Сразу же подул сильный ветер, и Катя накинула чехол на плечи. Слева и справа до самого горизонта лежали вспаханные поля. Небо было серое, грустное.

— Астраханские ветры,— объяснил Сергей Иванович.— Они нам часто сев портят: выдувают зерно. Ну, ничего. Будет на них управа! Вот озеленим пустынные степи, тогда ветер не страшен.

Он перебрался под защиту кабины и жестом пригласил Катю к себе: «Здесь теплее». Девушка робко подвинулась.

— Завидую вам: скоро будете на месте, а мне в район трястись. Приеду — не человек, а мумия, одна пыль.

Катя достала белый платочек, вытерла щеки. Платочек сразу окрасился в серый цвет. Агроном засмеялся.

— Присыпало песочком? Погоди, то ли еще будет!

— Сергей Иванович, а Гладков этот... строгий? — спросила Катя.

— Да-а,— протянул задумчиво агроном,— он человек с норовом.

Катя познакомилась с агрономом час назад в кабинете директора МТС. Директор, еще не старый, солидный человек, с набрякшими от бессонницы веками, читал ее документы. В дверь тихо постучался и вошел Сергей Иванович. Директор отодвинул бумаги, сердито посмотрел на агронома.

— Заявился наконец? Садись! — Он помолчал и заговорил тихим, вкрадчивым голосом:— Ты что это, а? Жизнь не любезна?

— Прохор Семенович...

— Молчи! Откуда тебя без памяти привезли?

— Из Знаменки.

— Вот что, пойдет машина в район — отправишься с ней к доктору.

— Прохор Семенович, сев...

— Молчи! — снова закричал директор и стукнул кулаком по столу.— Свяжу, отправлю под охраной. Едешь?

Агроном вздохнул.

— Придется...

— Давно пора. Осенью на курорт пошлем, в Сочи. Знаешь, там розы, мимозы, отдых как полагается, говорят, хорошо... Вас,— директор повернулся к Кате,— направляю в бригаду Гладкова. Лучший бригадир. Слыхали о нем? Ему нужны люди.

Прощаясь, Прохор Семенович тихо сказал агроному:

— Сергей, поговори с бригадиром насчет трактористки...

— Постараюсь,— ответил агроном.

...Машину сильно тряхнуло на ухабе. Катя закрыла глаза, попыталась представить на минуту знатного тракториста Никиту Николаевича Гладкова. Он, должно быть, плечистый, усатый, с нависшими на глаза бровями, лоб широкий, умный.

— К обеду поспеем! — раздался над головой голос Сергея Ивановича.

Катя открыла глаза. Агроном стоял, опираясь на кабину, и всматривался в поле.— Ох, черти, сеют-то, сеют без катков! — закричал он и забарабанил кулаком по кабине.— Ваня, стоп!

Машина круто остановилась. Агроном торопливо слез, кинул пальто с плащом на землю, побежал к видневшемуся вдали трактору.

— Сергей Иванович! — испуганно закричала Катя.— Вам же нельзя бегать!

Агроном бежал, не оглядываясь. Он остановил трактор и, взмахивая руками, начал что-то доказывать трактористу.

Минут через десять агроном вернулся, тяжело переводя дыхание. Дядя Ваня неодобрительно смотрел на него, качал головой.

— Договорились,— сказал Сергей Иванович.— А то чорт знает что! Торопятся, хотят количеством взять. С землей, брат, шутить нельзя.

Вдруг лицо его посерело, глаза широко раскрылись. Он привалился спиной к кабине, прижал руку к груди.

— Сергей Иванович, что с вами? — вскрикнула оторопевшая Катя.

— Пройдет,— застенчиво прошептал агроном,— не обращайте внимания. У меня это не впервые.

«Вот характер! — подумала Катя.— Едва жив, а не утерпел».

Постепенно щеки у агронома начали розоветь. Видимо, боли утихли, и тогда Катя облегченно вздохнула.

Справа от дороги показалось что-то темное, похожее на маленькую спичечную коробку. Коробка приближалась, росла и наконец превратилась в зеленый вагон на колесах.

— Стан бригады! — торжественно объявил Сергей Иванович.— Разгружайтесь, Катюша! Милости просим!

У Кати сильно-сильно забилось сердце. Вот где она будет жить и работать! Настоящий дом на колесах, стоит в чистом поле. Его катают с места на место. И кусок земли, где он стоит, тоже скоро запашут.

— Смотрите, лопухи! Сергей Иванович, около дома лопухи растут! — закричала Катя, когда машина остановилась.— Настоящие лопухи.

Агроном сдержанно улыбался и молчал, а дядя Ваня насмешливо фыркнул.

— Эка невидаль, лопухи! Этого добра здесь хватает.

Дверь дома отворилась, высунулась девушка в клетчатом платке.

— Здравствуйте, Сергей Иванович! — сказала она певучим голосом.— К обеду приехали. Очень хорошо.

— Кухарничаешь, Маша? — недовольно пробурчал агроном, слезая с кузова.— Не надоело?

Маша взглянула на Катю, замотала головой, в заплаканных глазах ее зажглись неприятные огоньки.

— Смену мне, что ли, привезли?

— Твой черед сменяться еще не наступил, Машенька,— сказал дядя Ваня.

В стороне от домика стоял трактор. «СТЗ-колесный»,—узнала Катя. Из-под трактора торчали две ноги в сапогах, носками к небу.

— Гладков где? — спросил агроном, приоткрыв дверь.

— Под трактором,— ответили из вагона.

— Никита Николаевич! — позвал агроном.— Вылезай, мил-друг.

— Сейчас,— отозвался недовольный голос.

С другой стороны трактора появился человек в потертой шапке и лоснящейся от масла ватной куртке. Катя с любопытством смотрела на него. Ни одной схожей черты с придуманным ею Гладковым! Нет усов, не видно боро-

ды, только белесый пушок на щеках, плечи не широкие, а нос маленький, облупленный!

— Здравствуйте, Сергей Иванович,— сказал Гладков и подал агроному руку.— Марья! — Из-за двери опять высунулась повариха.— Накрывай обед!

— Обедать не буду,— запротестовал агроном. — Дела ждут. Я горючее завез и тракториста. Ты ведь просил?

— Ну, спасибо,— сказал Гладков.— Ах, спасибо, Сергей Иванович, выручил. Да где же тракторист? Не вижу.

— Вот она! — улыбнулся Сергей Иванович и показал на девушку.

Катя замерла и опустила глаза.

— Эта?! — удивленно сказал Гладков.—Тракторист?! Ее надо за ручку водить...

У Кати губы задрожали, и она почувствовала, что вот-вот расплачется. Повариха Маша стояла в дверях и улыбалась. Улыбка эта раздражала Катю: «Чему радуется? Что я ей сделала плохого?»

— Мне ругаться некогда,- - сказал агроном, и снова лицо его посерело, на лбу выступили бисеринки пота.— Вижу, женщин только в кухарки принимаешь. Передовой человек!

Гладков сердито ударил сапогом по старому поршню, валявшемуся под ногами. Поршень покатился и задержался возле машины. Дядя Ваня подобрал его, сдунул пыль, почистил рукавом, погрозил Гладкову.

— Как не стыдно?! — воскликнула Катя.

— Так,— Никита хмуро посмотрел на нее.— Давно на тракторе работаешь, девушка?

— Еще не работала,— призналась смущенно Катя.— С курсов.

Ей все меньше и меньше нравился Гладков. Нет, не таким она представляла его себе! И шапка на затылке, и презрительная улыбка, и небрежный тон в разговоре — все казалось обидным и странным. «Черствый, равнодушный человек, зазнайка, и меня — под его начало! — думала она с горечью.— До чего же не везет!»

— Так...— повторил Никита.— А ну, скажи, пожалуйста, каков порядок работы цилиндров?

— Один, три, четыре, два.

— Я за нее ручаюсь,— перебил агроном.— Что за экзамен?

— Вот заправила трактор, поехала,— не слушая агронома, продолжал Гладков.— Вдруг стучит мотор. Полезла — все четыре подшипника поплавила. Отчего бы такое?

Гладков сощурил один глаз и стал похож на хитрого мальчишку-школьника, наставляющего младшего брата-неудачника. У Кати отчего-то заныли ноги, стало трудно дышать.

— А масло я залила?

— Заправилась, как полагается.

— Значит, маслонасос неисправен.

— В полном порядке,— улыбнулся Никита.

Катя наморщила лоб, на носу у нее собралась маленькая гармошка складок. Она чуточку подумала.

— Не могу понять. Разрази гром, не пойму!

— Очень обыкновенно. Нижняя пробка картера плохо привинчена. Во время работы она выскочила, и капут подшипникам!

— Ну, это случайность! — возмутилась Катя, но мысленно поругала себя за то, что не могла ответить на простой вопрос.— Вы же нарочно придумали. Так не бывает.

— У небрежных трактористов бывает,— твердо сказал бригадир.— А как мы устанавливаем зажигание?

— По распределительному валику.

— Покажи наглядно,— кивнул Гладков и вместе с Катей наклонился к двигателю.

Агроном посмотрел на них, гневно махнул рукой и пошел к машине.

— Горючее сгрузили? — спросил он у шофера.

— Все,— ответил дядя Ваня, залезая в кабину.

Сергей Иванович забрался в кузов и крикнул:

— Поехали!

Когда Гладков и Катя оторвались от трактора, ни агронома, ни машины не было. «Даже не попрощался»,— пожалела Катя.

— Подбросил, а сам ходу,— сказал Гладков, разглядывая облачко пыли, поднятое уходящей машиной.— Что мне делать? Теорию коекак знаешь, а практики никакой.— Он подумал немного.— Ладно. Время такое. Поработаешь до вечера, посмотрим. Сейчас обедать — и за руль. Вода в бочке, помойся, я тебе полью.

Катя сняла пальтишко, развязала шерстяной платок.

Гладков лил воду из железного ковшика на покрасневшие катины руки и все время бурчал что-то под нос. «Вот злой, вот злой! — подумала Катя и окончательно решила: — Тяжелый человек!»

Умывшись, она стала поливать воду Никите, но вдруг подлетела Марья, грубо вырвала ковшик и сказала:

— Иди в дом, тут без тебя управятся!

«Что это она? Вот ненормальная!» — удивилась Катя и вопросительно посмотрела на Гладкова. Тот даже бровью не повел, будто ничего не видел и не слышал.

В вагончике было тепло, уютно. Вдоль стен в два этажа тянулись нары. Посредине — стол, покрытый холщовой скатертью, отделанной по краям узорами.

Катя поздоровалась с трактористами. Их было четверо, и она сразу же перепутала имена. «Ничего, познакомимся поближе. А может, не придется»,— подумала она, вспомнив разговор с Никитой.

Было еще пять подростков - прицепщиков. Они держались отдельно от взрослых, и Кате показалось, что у ребят есть какие-то особые, мальчишечьи тайны.

Пришел Гладков, сел за стол. Вынул из кармана бумаги, задумался, постучал карандашом. Марья поставила перед ним миску с дымящимся борщом. Он отодвинул миску и внушительно сказал:

— Внимание! После обеда вступает в работу новый трактор. Вот МТС прислала тракториста...— Никита запнулся, вспомнив, что не спросил еще имени и фамилии у девушки.— Достаньте-ка планы колхозных полей. Колмыков с «ЧТЗ» перейдет на вспашку седьмой клетки. Иванов и Борцов работают попрежнему. Воронов переходит на сев. Новому трактористу участок покажу сам. У кого жалобы на тракторы — вечером буду осматривать каждую машину.

Все зашумели. Прицепщики вскочили на нары. Гладков снова постучал карандашом.

— Насчет кухарки,— продолжал он.— Вечером, Марья, пойдешь на село, скажешь председателю: пусть вместо тебя пришлет когонибудь постарше.

— А я куда же? — растерянно спросила Марья.— Куда?!

— Работы везде хватит,— сказал Никита и отвернулся.— Без дела не оставят.

II

Трактор «СТЗ» тащил две сеялки; на одной из них стоял прицепщик — пятнадцатилетний рыжий Валька.

Кате сильно хотелось пить, она облизывала губы, на зубах неприятно хрустел песок.

У края поля стояли две бестарки с пшеницей, около них бочка с водой, в ней плавал, зацепившись за борт ручкой, железный ковш. Катя спрыгнула с трактора, прополоскала рот водой, напилась и помогла Вальке насыпать зерно в сеялки.

Часов в шесть вечера подъехал на мохноногой лошадке подвозчик горючего Тимофей Осипов, старик в солдатской шинели, в старой военной фуражке с малиновым околышем. Пока Валька таскал ведра с керосином, Тимофей свернул папиросу, сунул ее в рот, посмотрел на Катю, откинув полу шинели, достал из глубокого кармана прозрачный, стеклянный мундштук и зарядил его цыгаркой.

— Ничего, деваха, управляешься? — спросил Тимофей. — Машина тебя слушается?

— Ничего,— ответила Катя, и ей показалось, что Осипов уже знает про недовольство Гладкова.

Потом приехал на двуколке бригадир полеводческой бригады и долго шагал рядом с трактором. Он наблюдал за работой Кати, проверил глубину заделки семян. «И этот начнет придираться,— подумала Катя.— Станет учить, экзаменовать». Однако все обошлось. Полевод не сделал ни одного замечания.

Проехал на велосипеде Гладков, помахал Кате рукой, спросил, как дела. У нее все было в порядке. Бригадир укатил дальше.

А вечером трактор остановился. Катя долго промывала, прочищала, продувала свечи, трубки, карбюратор, контакты — машина не заводилась.

— Катя! Может, магнето отказало? — спросил Валька.— Магнето — ужасно коварная штука. Я-то знаю!

— Искра есть,— безнадежно прошептала Катя.— Придется, Валя, сбегать за Гладковым. Без него пропадем! Только поживее — минута дорога.

— Ладно, в момент найду! — ответил Валька.

Прицепщик ушел.

Катя села отдышаться. Размазала рукой пот по лицу, подумала о Гладкове с обидой:

«Когда не нужен, тут как тут, а понадобился — не разыщешь. Приедет, накричит, ругаться будет».

Катя погладила трактор: «Миленький, хорошенький, ну заведись! Ну заведись, идол! — Она рванула ручку вниз.— Дурак какой-то,— рассердилась Катя.— Не хочешь заводиться и не надо, плакать не буду!» И сразу, уткнув лицо в замасленные рукава, заплакала. Плакала Катя о том, что вот уже полчаса, как она стоит, не может завести мотор; что Вальки долго нет; что теперь-то Гладков ее, конечно, отошлет в МТС, как непригодную к работе.

Прямо по полю широко шагал человек, направляясь к ней. «Гладков,— узнала она.— Как скоро!»

— Почему стоишь? Где прицепщик? — не доходя, спросил Никита.

— Заглох, не заводится,— плача, ответила Катя.— Все в норме, а не заводится!

— Посмотрим, заведем, — внушительно сказал Гладков. — А нюни распускать нечего. Долго стоишь?

— Полчаса.

Никита резко повернул ручку. Трактор не заводился. Бригадир начал осматривать мотор. Катя через его плечо смотрела, что он делает.

— Должен работать, — заверил опять Гладков. — Давай-ка вместе вкруговую. Осторожней берись, у него зажигание чуть-чуть раннее.

Вдруг трактор заработал. Да, он тарахтел ровно, бесперебойно, будто и не было никакой аварии. Кате захотелось прыгать от радости, петь. Она ласково посмотрела на Гладкова: «А он ничего, симпатичный, только нос у него смешной, как пуговица».

— Поеду вместо прицепщика, — сказал Гладков. — Постарайся натянуть пропущенные тридцать минут. Газуй, девушка!

— Есть газовать! — весело крикнула Катя. Она села за руль. Трактор гудел, рвался вперед.

Темнело. Гладков давно ушел, его место занял Валька. Приехал учетчик, начал измерять проделанную работу. Катя сказала:

— Я с обеда только работаю, учти.

— Знаем,— лениво ответил учетчик.— Норму все-таки не выполнила. Видать, хлипкий из тебя тракторист. Ладно, скоро сменщик придет.

Возвращаясь на стан бригады, Катя твердила про себя: «Не выполнила, не выполнила!» Было тоскливо. Переодевшись за занавеской, она с отвращением бросила в угол рабочую одежду и подумала: «Ну и пусть отсылает. Поеду в другую МТС: там, наверно, не такие придиры».

Однако уезжать не хотелось, и она в щелку посматривала на Никиту. Он что-то быстро писал, смешно шевеля губами.

«Должно быть, письмо директору МТС, — обиженно думала Катя. — Насчет меня строчит. И не выполнила самую малость. Не простояла, нечего было бы писать-то!»

Катя нехотя поужинала, пошла вместе с Марьей мыть посуду. Мыли молча. Потом стали вытирать алюминиевые миски и ложки. Марья неожиданно сказала:

— Не в себе наш Никита. Отстали от бригады Карпенко, вот и расстроен. Не привык он в хвосте плестись. — Помолчав, добавила: — А я ухожу в деревню. Ты за Никитой приглядывай: видишь, он какой? Иногда и есть позабудет. Он, моя милая, горит в работе!

— Я, может, сама не останусь, — тихо сказала Катя. — Норму не выполнила, трактор стал. Билась, билась — поломку исправить не могла. Чистая беда!

Марья стояла, прижав руку к щеке, и качала головой.

— Сирота, что ль? Робкая больно...

— При чем тут сиротство? — обиделась Катя. — Ничего ты не понимаешь. Недотепа я, и все.

— Не тужи, все наладится, — примирительно сказала Маша. — Спервоначалу-то у кого хошь трактор балует. Ты держись!

Катя вышла из вагончика, ходила вокруг и все ждала, что сейчас позовет ее Никита и скажет: «Переночуешь, девушка, а завтра — в МТС, к директору, вот письмо».

Она присела на ступеньку лестницы. Пахло травами, сырой землей, дымом, и стояла какая-то удивительная тишина.

Катя вспомнила, как утром хотела написать подругам в город о том, в какую хорошую МТС она попала, какие пышные усы у директора МТС и какой славный человек агроном Сергей Иванович. А теперь писать не о чем и жить не больно хочется. «А если в другой МТС будет то же самое? Тогда что?»

Кто-то вышел из вагона, присел рядом с ней. Катя оглянулась — Никита. Посидели молча. Потом Гладков заговорил:

— Помню, кончил я курсы в сорок третьем году. Трактористы из нас вышли слабые. Учились всего три месяца. На водителей-любителей похожи были. Разослали нас по разным колхозам. Я попал в «Красный маяк». Бригадир там седой, с одним глазом. Глянет на тебя — душа в пятки! Все понимал: и что тебе страшно за руль садиться и что ты не знаешь трактора. Глянул он на меня и говорит: «Покажи, как проводки от магнето со свечами соединяются». Я стал показывать, запутался. Он

вздохнул. «Ладно,— говорит,— езди». Ну, и ездил. Пока трактор везет, едешь, а встанет, бьешься, бьешься — завести не можешь. И разозлишься, и досадно, аж слезы на глаза просятся! Сядешь на землю, обругаешь машину как следует — легче станет. Бежишь за бригадиром. Девчатам труднее доставалось. Ругаться не умеют, а чувство это самое, наболевшее, наружу просится.

— Все верно, — вздохнула Катя. — Ой, как верно!

— Да, — продолжал Гладков. — Ляжет девчина под трактор и плачет, в три ручья слезы текут. Идет бригадир: «Ты чего, милая, ревешь?» «Не заводится, дяденька!» «Ну, давай вместе». Так вот с бригадиром и заводили. Зато и работали — по двадцать часов с машины не слезали! Стране хлеб нужен был. Понятно?

Гладков умолк. Катя сидела тихо, не шевелясь, и смотрела на Никиту. В темноте чудилась ей на лице бригадира мягкая, добрая улыбка.

— Ты бы шла отдыхать, натрудилась за день, — сказал Никита. — Спать будешь за занавеской — там у Марьи постель.

— Посижу немножко, — сказала Катя. — Ночь-то какая!

— Ну, ладно, дело твое, — согласился Никита и ушел в вагончик.

Катя встала и пошла по дороге. Дул теплый, влажный ветер. В небе сияли неяркие звезды. Далеко-далеко справа слышалось урчанье трактора, тихо посвистывала невидимая птица. Катя думала о прожитом дне, о людях, с которыми придется работать, о завтрашних делах. Мысли были легкие, радостные. Нет, что ни говори, жить хорошо! Всегда и везде хорошо!..

Невдалеке от вагона она увидела две фигуры. Они тихо разговаривали. Проходя мимо, Катя услышала голос Гладкова:

— Пойми, Маша, неудобно и совестно мне перед людьми. Вот и агроном замечание сделал. Ты просись в полеводческую бригаду, чаще встречаться будем. Отработаем сезон, осенью свадьбу справим.

Обнявшись, они медленно пошли в поле. Марья ревнивым тоном сказала:

— Смотри, на новенькую-то не заглядывайся.

— С какой это стати? — засмеялся бригадир. — Или ты меня не знаешь?

— Да она глазастая, хорошая, — тоже смеясь, ответила Марья.

Гладков и Маша скрылись в темноте, и голосов не было слышно. Спать Кате не хотелось, она присела на лестнице. Вдали загорелись два ярких светлячка, осветили степь: по дороге шла машина. Светлячки, казалось, были рядом, рукой подать, но машина шла почему-то томительно долго. А когда она добралась наконец до стана, с шумом развернулась, ослепительно блеснув красной точкой стоп-сигнала.

Катя подошла к машине. Из кабины вылез шофер дядя Ваня и, разминая затекшие ноги, сказал:

— Здоровенько живете, Катюша!

— Спасибо, — ответила Катя. — Удачно ли съездили?

В кабине сидела Ольга Васильевна, и толстая девочка попрежнему спала у нее на руках.

— От Сергея Ивановича вам привет, — сказал дядя Ваня. — Его в больницу положили, на операцию. Жалко человека. Золотой работник! — Он помолчал, вздохнул и добавил: — Вот дела-то какие! А я вам гостинец из города привез, конфеты шоколадные.

— Зачем? Не нужно, — смутилась Катя. — Что это вы?

— Берите, берите, — проговорил шофер и высыпал в карман Кате пригоршню конфет. — Ну, поехали, тороплюсь. Будете в МТС, заходите чай пить, с дочкой познакомлю.

Он помахал рукой из кабины.

— До свидания! Не скучайте!

Катя вернулась в вагон. Гладков сидел за столом и опять что-то писал. Лицо у него было напряженное, красное.

— Спать, спать! — сказал он и недовольно помахал рукой. — Прогуляете ночь, утром голова болеть будет. Трактористу, как летчику, полагается режим. Все по графику. Машина несерьезных водителей не любит.

— Никита Николаевич, хотите конфету? — предложила Катя.

— Нет, не хочу. Побереги для прицепщиков: они сладкое обожают.

Катя все-таки положила на стол две конфеты и пошла к себе за ширму. Она тихо разделась, легла на пухлый, набитый соломой тюфяк. Перед глазами поплыла земля, аккуратно расчерченная, как тетрадь, линейками борозд, появилось лицо дяди Вани в кепке козырьком назад и скрылось, потом зеленые глаза Марьи с черными ресницами посмотрели на нее, укоризненно замигали. И последнее, что еще услышала Катя, — стук двери. Это бригадир пошел проверять ночную смену...

ТРАГЕДИЯ БЛИЗНЕЦОВ ИЗ СЕН-КЛУ

Читатель, вглядись внимательно в этот снимок, напечатанный недавно во всю страницу французским буржуазным журналом «Пари-матч». Судя по сопровождающей подписи, фотография подается как самая сенсационная за всю неделю. Чем же заинтересовали падких до сенсаций редакторов «Пари-матч» эти четверо детей?

В конце 1948 года все парижские газеты были полны широковещательными сообщениями о небывалом событии в парижском пригороде Селль-Сен-Клу: жена скромного каменщика Леаль-Доре родила четырех младенцев.

Во Франции с ее низкой рождаемостью появление на свет одновременно четырех младенцев — чрезвычайное, редкое событие, и вокруг него была поднята превеликая шумиха. Газеты публиковали фотографии родителей и их детей, расписывали на все лады мельчайшие подробности первых дней их существования. Вспоминая историю о пяти близнецах Диони из Канады, которые явились неисчерпаемым кладезем для рекламы американских продуктовых и швейных торговых фирм, 137 французских предприятий и коммерсантов обещали родителям Леаль-Доре всякие блага, пусть только они заявят, что их близнецы пьют молоко фирмы X и одеваются в платьица фирмы Y. Власти со своей стороны посулили семье Леаль-Доре, которая и до этого была многодетной и ютилась в грязной и нездоровой лачуге, что ей будет срочно предоставлена «небольшая вилла». Была обещана специальная сиделка, чтобы ухаживать за близнецами, этой «национальной гордостью Франции».

Но вот прошла неделя, и газеты перестали писать о четырех новорожденных из Сен-Клу. Нахлынули новые события, и о семье Леаль-Доре забыли. Скромные пособия, которые ей выдали под горячую руку, быстро улетучились. Заработок каменщика был, конечно, недостаточен, чтобы содержать такую большую семью. Насчет обещанной «виллы» никто уже и не заикался.

Посовещавшись, родители решили отдать четырех близнецов на воспитание в деревню Веренан-Гатинэ. Это было в марте 1949 года.

Шли месяцы, годы. Каменщик Леаль обивал пороги казенных учреждений, хлопоча о помощи. От него повсюду отмахивались, как от надоедливой мухи.

Недавно чета Леаль-Доре получила следующий письменный ответ на свои ходатайства: «Префектура департамента Сены не компетентна в данном вопросе. Впрочем, если бы даже префектура была компетентна, она не располагала бы для вас никакой свободной квартирой». Прочитав этот сухой и грубый ответ, жена каменщика сказала мужу: «Я больше не могу ждать. Мы не можем бесконечно доверять наших малышей чужим людям, словно они сироты. Будь что будет, возьмем их домой».

И вот четверо близнецов из Сен-Клу—«национальная гордость Франции» — снова водворены в трущобу родителей. Это крохотная, сырая комнатка с кухней. Здесь живут с родителями Жан, Ренэ, Робер и Жаклина, которым идет уже четвертый год. Здесь же их старшие брат и сестра, Анри и Франсуаза,—одному семь, другой пять лет,— здесь же их маленькая сестричка Жаннет, которой недавно исполнилось полтора года. Мать ждала еще одного ребенка, одиннадцатого по счету; трое старших уже покинули отцовский дом, уйдя на заработки.

Весь день семеро детей толкутся на кухне: это для них и столовая и площадка для игр, а для некоторых и спальня. Здесь же мать стирает белье. Мебель? Грубо сколоченный стол, самодельные стулья. На снимке отчетливо видно, как выглядит угол, в котором живет «национальная гордость Франции». Фото показывает, как одеты четверо близнецов. На ногах у них дешевые матерчатые туфли.

Измученная нуждою мать сохранила свою пролетарскую гордость. Она твердо заявляла репортерам, которые изредка еще забегали в этот убогий угол в поисках сердцещипательной сенсации для сентиментальных читательниц:

— Я не хочу больше никого ни о чем просить. Мне глубоко отвратительно все это. Там, наверху, прекрасно знают, что нам нужно: скромный домик, где дети могли бы расти. Но мне не предложили даже приличного угла...

Напротив лачуги расстилается зеленая площадка, никем не занятая и даже не огороженная. Дети могли бы играть там в теплые дни. Почему бы муниципалитету не позволить этого?

— С нас потребовали миллион франков,— говорит со вздохом мать четырех близнецов. — За миллион лужайку готовы нам продать! Но ведь это нелепость: мой муж — простой каменщик. Заработок у него совсем незавидный, а пособия на всех детей, вместе взятых, мы получаем 46 тысяч франков в месяц, и это почти все, на что мы живем...

Сорок шесть тысяч франков — на это действительно не прокормишь и не оденешь себя и семерых детей!

Сен-Клу — аристократический пригород Парижа, район роскошных вилл, дворцов парижской знати. Лачуга, в которой обитают Леаль-Доре,— бельмо на глазу у обитателей Сен-Клу. «Когда нет средств,— незачем плодить детей,— брюзжат дамы, выводящие на прогулку своих изнеженных собачек.— И потом говорят, что «он» испанский беженец; наверняка какой-нибудь бунтовщик!»

— Однажды американка, живущая неподалеку отсюда, принесла мне роскошный букет цветов,— с горькой улыбкой говорит мать десяти детей.

Букет цветов в лачугу, где детям нечего есть, где струится вода со стен, где жильцов подстерегает туберкулез! Воистину образец американского лицемерия!

..Публикуя свой «сенсационный» снимок, редакция журнала «Пари-матч» дала к нему подпись, выдержанную в тоне трогательного сочувствия:

«Четверня из Сен-Клу. Рождение четверни в 1948 году было сказкой фей. Прошло три года. Сказка фей превратилась в страшную повесть. Прекрасный павильон, который должны были реквизировать для г-на и г-жи Леаль, ожидающей восьмого ребенка (господа редакторы из «Пари-матч» преуменьшили: одиннадцатого! — **Ю. Ж.**), остался воздушным замком...»

Вот и все! Ни слова протеста, ни намека на моральное осуждение виновников трагической судьбы этих маленьких близнецов, их братьев и сестер, как и миллионов их ровесников во Франции. Простая протокольная информация, рассчитанная в лучшем случае на то, что читатель подымет глаза к небу и скажет, вздохнув: «Да, этим малышам не повезло...»

Однако на этом не кончается печальная история близнецов из Сен-Клу. Она имеет продолжение. По последним сообщениям газет, близнецы снова разлучены с родителями! Скандал, вызванный появлением в печати сообщения об их судьбе, был столь велик, что гражданский трибунал Версаля трусливо поспешил вынести «решение»: отобрать детей у родителей под тем предлогом, что родители «не в состоянии их достойным образом воспитать». Дети были помещены в приют. Тем временем мать оказалась в больнице: у нее были преждевременные роды, кончившиеся несчастливо. И вот завершение истории, которое мы заимствуем из парижской буржуазной газеты «Франс суар» от 22 декабря:

«Отца, который заболел психически в тот день, когда нашел свое жилище опустевшим, пришлось определить под наблюдение в госпиталь Сен-Жермен. Мать только что вышла из другого госпиталя после преждевременных родов. Одинокая в своем пустынном жилье, она, обессиленная, оставалась в течение нескольких часов в полубессознательном состоянии. Потом она поднялась. Впервые вдохновленная запоздалым (?!) приливом энергии, она взялась с бессильным бешенством (?!) за полнейшую уборку двух тесных комнаток, едва меблированных, где царил неслыханный беспорядок. «Все будет чисто, «они» увидят. Я хочу, чтобы мне вернули ребят».

«Они» — это организация «общественной помощи». Сколько циничной издевки над родителями несчастных детей в этих беглых строчках равнодушного репортера! И как характерна вся эта история для нравов страны, где детей можно отнять у родителей, как отнимают щенков у собаки. Буржуазное «общественное мнение» карает родителей, живущих в нищете, как и сотни тысяч других трудящихся Франции. Но подлинное общественное мнение настоящей, народной Франции подобные маневры обмануть не в состоянии. И фотодокумент, напечатанный в «Пари-матч», и бесчеловечные «меры», принятые «общественной помощью»,— все это обвинительный акт общественной системе, которая обрекает на вымирание целое поколение рабочих.

Ю. ЖУКОВ

Париж.

РОЖДЕННЫЕ В СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

Прежде всего следует еще раз поздравить с днем рождения трех наших сограждан. Недавно мы побывали в доме № 9 по Тетеринскому переулку, в Москве, где происходило большое торжество: там проживают все три юбиляра. Отмечался их четырехлетний юбилей. Пожалуй, мы не ошибемся, если скажем, что не только вся квартира и весь двор, но и большая часть жителей переулка была взволнована этим событием. Так популярны эти граждане.

...23 июня 1944 года шел в прорыв танковый батальон майора Александра Червина. Это был жаркий и победный бой. Но с поля сражения танкисты унесли своего командира тяжело раненным. Майора очень любили в части, и сам генерал приехал в медсанбат навестить его. В бою Александр Червин потерял левую руку и два пальца правой руки. Генерал старался ободрить его:

— Ничего, Саша, впереди еще много дела, все будет хорошо.

Когда майора перевели в Москву, к нему в госпиталь приехала невеста из Харькова. Она тоже старалась поддержать его.

Но он улыбнулся.

— Ты, Маша, зря волнуешься,— сказал Червин,— я из строя выбывать и не собираюсь. Это не беда, что я кадровый военный. На нашей земле профессий на всех хватит.

Еще лежа в госпитале, Червин сдал экзамены за 1-й курс юридического факультета Московского университета.

Потом Маша закончила медицинский институт, Александр выписался из госпиталя, и они поженились.

* * *

Как ни тащили однокурсники Александра встречать Новый год, он ни за что не соглашался, ссылаясь, что одному не хочется, а Маша лежит в родильном доме. Она плохо чувствовала себя, и ее положили туда раньше времени.

Ночью Червин позвонил в родильный дом, чтобы поздравить жену. Дежурная сестра ответила:

— И вас поздравляем.

— Спасибо,— сказал Червин.

— Да не с Новым годом, а с отцовством... Вы кого хотели? Мальчика? Вот у вас родился сын.

— Спасибо,— снова поблагодарил Червин.

— И еще сын.

— Как?

— И еще девочка,— весело сказала сестра.

Что греха таить, Червин несколько опешил от неожиданности. А сестра прибавила другим тоном:

— Только один мальчик очень слабенький, семимесячные ведь они у вас. Возможно, не выживет.

Но Александр почти крикнул в трубку:

— Должен жить!

Маше показали детей только на восемнадцатый день. Они были очень слабые и крохотные — самый маленький весил полтора килограмма.

Но за жизнь близнецов решил бороться весь медицинский коллектив родильного дома имени Крупской. У молодой матери пропало молоко, ребят нужно было питать искусственно. И вот, запеленутые в вату, под кварцевыми лампами, они начали жизнь под неусыпным наблюдением врачей и сестер. Через месяц их перевели в Педиатрический институт, и там продолжалась борьба за жизнь маленьких граждан.

В это время Александр Червин сдавал экзамены зимней сессии. Отрываясь от толстых фолиантов, он думал о том, что трем ребятам будет тесно, что трудно будет поддерживать режим питания.

Однако оказалось, что эти мысли заботят не его одного. О судьбе маленьких москвичей думало государство. Когда через четыре месяца они переселились из института домой, их кроватки стояли в новой квартире, которую отремонтировал университет. Это был подарок государства новорожденным. На государственные средства малышам была взята кормилица, родители получали государственное пособие.

На новоселье пришли с цветами и подарками гости — однокурсники Александра. Первое торжественное купание юных новоселов произошло в присутствии членов профкома...

* * *

Когда Червины собирались занять новую квартиру, соседи по дому сказали им сочувственно:

— Не повезло вам с квартирой. Там на площадке не любят детей.

Конечно, это было обидно. А тут еще начали болеть ребята.

Но каково было удивление родителей, когда в первую же болезнь одного из близнецов все соседи забеспокоились о его здоровье. Надо сказать, что подобных поводов для беспокойства было и потом достаточно: все еще слабенькие, ребята то и дело хворали. И всякий раз их болезнь волновала весь дом, студентов, персонал детских больниц.

Так биография трех близнецов с первых дней их жизни вышла за пределы родительской квартиры. Она вошла в жизнь многих людей, в жизнь государства. Вошла тогда, когда в Педиатрическом институте изыскивались новые способы их лечения. Когда общественные организации заботились о материальной помощи семье и о том, чтобы молодая мать могла продолжать свою врачебную деятельность. Когда студенты и профессора университета беспокоились об успехах Александра Червина.

Беспокойства для родителей и соседей хватало и впоследствии, когда ребята окрепли и подросли. Близнецы, кстати, непохожие друг на друга, оказались довольно деятельными. Если, например, в комнате раздавался крик от того, что мальчик сунул язык в штепсель, исследуя его природу, девочка в тот же момент пыталась выкупать в кастрюле кошку...

Вскоре такая деятельная общительность снискала тройняшкам популярность у всего переулка. Выходя гулять, они уже здоровались с пешеходами и заговаривали. Девочка подходила к человеку, прогуливавшему на ремешке собаку, и спрашивала:

— Это у вас военная собака?

— Почему военная? — удивлялся владелец пуделя.

— А она в портупее.

Червины старались закалять малышей и выводили их на прогулку в любую погоду. Но если почему-либо их не было во дворе, раздавались звонки по телефону: «А почему тройняшки не гуляют?»

Среди близнецов царил дух коллективизма и даже, пожалуй, «круговой поруки». Если один из них вынимал последнюю конфету и спрашивал: «Ну, кому дать?» — другой отвечал, не задумываясь: «А ты раздели нам всем пополам».

На исходе четвертого года жизни девочке сшили первую юбочку, воспринятую ею не очень радостно: она привыкла к штанишкам, таким же, как у братьев.

Жизнь близнецов крайне насыщена. Вечерами они усаживаются рядком и просят «сделать музыку по радио» или «достать кино» — проэкционный фонарь. В других случаях малыши в коридоре проводят велогонки. Когда родители приобретали в магазине сразу три велосипеда, это удивило продавца, но, узнав подробности, он выбрал «товар получше». Александр Червин, который продолжает заниматься спортом, старается привить любовь к нему и молодому поколению. По воскресеньям во дворе происходят семейные лыжные вылазки.

...У Червиных шло торжество. Блестела убранством елка, и дети оповещали всех знакомых, что у них «новый год рождения». Звонил телефон, и юбиляры принимали бесчисленные поздравления от соседей и сослуживцев родителей, от университета и работников медицинских учреждений, которые продолжали следить за своими прежними питомцами.

Поздравим же и мы трех маленьких москвичей. Поздравим с днем рождения, с годом рождения, а главное — с местом рождения. Потому что родились они в Советской стране, где о судьбе человека с первого его дыхания думает государство, где весь народ заботится о его будущем.

Галина ШЕРГОВА

Юные москвичи.

Фото А. Гостева

ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

Рассказ

РЫТХЕУ

Рисунки О. Верейского

Автор рассказа «Друзья-товарищи» Рытхеу родился в 1931 году в селении Уэлен на Чукотке. Прежнюю, голодную и грустную жизнь чукчей он узнал лишь по рассказам стариков. Когда ему пришла пора идти в первый класс школы, чукчи на полуострове уже работали и механиками, и радистами, и метеорологами, и учителями, и даже летчиками. Окончив школу, Рытхеу поехал в Ленинград, где поступил в институт. Молодой писатель одновременно ведет серьезную научно-исследовательскую работу под руководством специалистов-языковедов.

Начало сентября.

Южные склоны холмов покрыты коричневым ковром травы с частым черно-красным узором — это северная ягода шикша да морошка. Пройди по такому склону — подошвы торбазов сразу станут черными от шикши.

В полдень солнце еще немного греет. Да и то чуть закроет его облаком, становится так прохладно, что начинаешь понимать: зима уже совсем близка.

С моря дует холодный ветер. Недели через две, может быть, через три на Чукотке выпадет снег. А в лощинах между холмами и в складках северных склонов, куда за все лето ни разу не заглянули солнечные лучи, еще с прошлой зимы сугробы слежавшегося снега. Из-под сугробов к морю бегут по лощинкам ручьи. Но скоро они замерзнут.

Белые ночи давно уже прошли. Теперь вечереет рано, и, как только солнце заходит, Тэнмав зажигает электрический фонарь на маяке. Маяк стоит на самом высоком из прибрежных холмов. Его яркий мигающий свет виден далеко, и моряки на кораблях, проходящих по Берингову проливу, с благодарностью принимают этот привет Тэнмава.

Бригада Кымына возвращалась на своем вельботе из бухты Лаврентия. Туда они ездили за горючим для колхозных моторов и за школьными учебниками. На обратном пути что-то случилось с мотором: задымил, как плохая печка, стал давать перебои, а потом и вовсе заглох. Да к тому же волна поднялась. А до дому еще больше суток надо плыть!

Добрались до берега на веслах, вытащили вельбот. Кымын пошел к Тэнмаву на маяк, попросил послать радиограмму председателю колхоза «Утро», сообщить ему причину задержки. Хорошо еще, что мотор заглох неподалеку от маяка, а то и сообщить о себе не могли бы.

Когда Кымын спустился с холма, рядом с вельботом была уже натянута палатка. Перед ней на куске брезента лежали части разобранного мотора. Моторист Инрын, весь черный от мазута, внимательно разглядывал каждую деталь, время от времени недоуменно пожимая плечами.

Бригадир подходит к Инрыну и вопросительно смотрит на него. Но взгляд этот, выражающий вместе с вопросом и упрек и в то же время сочувствие, пропадает впустую: моторист, расстроенный своей неудачей, даже не поднимает головы при приближении Кымына.

Тогда Кымын подходит еще ближе и спрашивает:

— Ну?

Инрын и на этот раз не поднимает головы. Глядя на торбаза бригадира, он только разводит руками.

— Ой, как нехорошо получилось! — говорит Кымын и садится на землю возле брезента.— Ох, как нехорошо! В колхозе ждут ведь. Вот-вот на охоту выезжать, пора моржа колоть. А нас нету.

— Плохо,— соглашается Инрын.

— Да еще срочный груз задерживаем,— продолжает Кымын.— И горючее и учебники. Сентябрь уже, ребята в школу пошли, им учиться надо. А учебники — вот они, в нашем вельботе лежат... Ты, Инрын, молодой, у тебя детей нет...

Кымын только тяжело вздыхает, представляя себе, как, наверно, ругают его и школьный учитель Эйнес и председатель колхоза Вамче. Но уже темнеет, ремонт мотора надо отложить до утра. Кымын говорит:

— Ладно, идем в палатку, Инрын. Сейчас все равно ничего не видать. Попьем чаю и спать ляжем. Утром я тебя до солнца подниму. Может, утром у тебя лучше дело пойдет.

Неподалеку отсюда расположено стойбище, в котором у Кымына много родственников. Он часто бывает у них. Но сейчас он решил даже не заходить в стойбище: будет ночевать в палатке, вместе с бригадой. Кымын самолюбив, он бережет свою честь. Никто не сможет сказать, что, воспользовавшись вынужденной стоянкой, Кымын навещал своих родичей и потому не очень торопился.

Даже тени такого подозрения ни у кого бы, конечно, не возникло, если бы Кымын и переночевал у родственников: в колхозе его любят и верят ему. Но сам он требует от себя гораздо больше, чем требует от него даже придирчивый Вамче.

В палатке одни пьют чай, другие уже устраиваются на ночь. Разговаривать никому не хочется. Во всей бригаде один только лежебока Кэнири нисколько не огорчен вынужденной задержкой. Ему все равно, где спать, лишь бы спать, а не работать. Но, делая вид, что он тоже озабочен, Кэнири говорит:

— Какой же ты, Инрын, моторист?

— Не трогай его,— строго произносит Кымын, предотвращая ссору.

Сквозь парусину палатки слышится похрустывание гальки.

Русский парень — светловолосый, с веселыми глазами,— пригнувшись, забирается внутрь. Пиджак у него расстегнут. Из-под раскрытого ворота нарядной голубой сорочки видны полоски тельняшки.

— Товарищу Кымыну радиограмма. Тэнмав просил передать.

Кымын разворачивает листок, читает вначале про себя, а затем вслух:

— «Сделайте все возможное, чтобы скорее приехать. Послезавтра назначен выезд всего колхоза на лежбище моржей. Вамче»... Слышали?

— Слышали,— отзывается Кэнири, укладываясь спать.— Вамче хочет, чтоб мы на веслах доехали.

— На веслах в такую волну не доберешься,— говорит парень в голубой сорочке, не поняв, что Кэнири пытается иронизировать.

— Сделаем так,— медленно произносит бригадир и на минутку умолкает, раздумывая, как именно следует сделать.— Вот как сделаем. Если утром Инрын сумеет починить мотор,— хорошо. Не сумеет — оставим Инрына тут, с вельботом, а сами напрямик пойдем, через горы. Горючее и учебники на себе понесем.

— Правильно,— говорит старый охотник Онно.— Книжки на два пакета разделим. Горючее в бидоны разольем. Надо у Тэнмава еще один бидон попросить. Так и донесем.

Охотники кивают головами. Кажется, выход найден, хоть и нелегкий. Только у Кэнири глаза становятся такими тоскливыми, будто у него заныли зубы. Он говорит:

— Ну, хорошо. Груз, может быть, донесем. А сами на что мы там нужны без вельбота? На чем охотиться поедем? Мы в колхозе нужны не пешие. Мы там с исправным вельботом нужны.

Если Кэнири изредка и скажет правду, то это обязательно какая-нибудь неприятная правда.

— Может, вы пойдете через горы, а я мотор починю,— нерешительно говорит Инрын.— Я тогда раньше вас домой вернусь.

— А если не сумеешь починить?

— «Если, если»! Ты так бы и валялся тут кверху животом со своим «если»! Можешь ты что-нибудь предложить?

Наступает молчание. Предлагать что-нибудь лучшее, чем придумал бригадир, Кэнири и не собирался. Просто ему очень не хочется идти пешком через горы, да еще с тяжелым грузом.

— Давайте поглядим, что у вас с мотором случилось,— говорит русский.— Я на маяке механиком работаю. Мы бы с вашим мотористом взяли мотор на маяк, там в мастерской, и поглядели бы. Не возражаете, товарищ бригадир? Может, исправим.

Бригадир смотрит на механика, и его лицо светлеет:

— От всего колхоза спасибо скажу!

* * *

Инрын и механик поднимаются по узенькой тропке на вершину холма. На плече у Инрына мотор. Подниматься с такой ношей по крутой тропке, да еще в темноте, даже крепкому двадцатилетнему Инрыну нелегко. Он оступается.

— Давай я понесу,— предлагает механик.— Я на этом холме каждую кочку изучил.

— Ничего. Донесу.

— Тогда давай отдохнем.

Механик бережно снимает мотор с плеча своего спутника. Они садятся на камни. Инрын взглядывает на вершину холма, где вспыхивает, гаснет и снова вспыхивает обращенный к морю луч маяка. А механик смотрит вниз: там километрах в трех видны огоньки ближайшего стойбища.

— Ты здесь недавно? — спрашивает Инрын.

— Три месяца. Что, небольшой срок? Тут ведь вокруг народу мало. Уже не только всех охотников знаю, с каждым мальчишкой лично, можно сказать, знаком.

Механик вынимает коробку папирос и продолжает:

— Пора, кстати, и нам с тобой познакомиться. Меня Анатолием звать.

— А меня — Инрын.

— Слышал. Куришь?

Они закуривают. При свете спички Инрын видит, что Анатолий чему-то улыбается.

— Послушай-ка, моторист, есть у тебя невеста?

— Что? — переспрашивает Инрын, смущенный неожиданностью вопроса.

— Невеста, спрашиваю, есть? Ну, дружишь с какой-нибудь девушкой, гуляешь?

— А зачем тебе?

— Ишь ты, смутился, словно красная девица! Нельзя разве спросить?

Инрын внимательно вглядывается в лицо Анатолия. Потом сдувает с папиросы пепел.

— Есть у меня невеста. Только далеко она теперь. В Анадыре. Учиться уехала. А почему ты спросил?

— Видишь ли... Нет, я тебе потом объясню. Пошли!

Анатолий рывком поднимает мотор себе на плечо и снова шагает вверх по тропке.

— Постой! Что ты! Давай я возьму.

— Нет уж, браток. Моя очередь. Не хотел сам отдать, так я тебя перехитрил.

В мастерской маяка ярко светит электричество. Станки и инструменты сверкают, как на военном судне. Видно, что хозяин здесь аккуратный.

— Светло! — жмурясь, говорит Инрын.

— Еще бы! Ведь даже море освещаем. Ну-ка, давай глядеть, в чем у нас тут загвоздка...

Часа через полтора, дважды перебрав мотор, но все еще не обнаружив «загвоздки», Анатолий говорит:

— Ничего не понимаю. Никакой поломки не видно, а не заводится. Нет, Инрын, прервем это дело на десять минут. Объявляю перекур.

Анатолий давно уже снял с себя не только пиджак и нарядную голубую рубашку, но и полосатую тельняшку — память о флотской службе. Теперь он сидит на полу голый по пояс и почти такой же черный от мазута, как Инрын.

— Тебе, браток, приходилось в здешнем стойбище бывать?

— Нет.

— Живет здесь одна девушка. Учительницей работает. Ну, как бы это сказать, приглянулись мы друг другу. В ноябре, на праздники, думаем свадьбу сыграть. Приезжай, гостем будешь.

— Приеду. Раз на свадьбу зовешь, обязательно приеду.

— Решено... Такое, понимаешь, на меня нашло, не могу по вечерам на маяке усидеть. Как работу кончаю, так сразу помоюсь, переоденусь — и в школу, к учительнице своей.

— Понятно,— смеется Инрын.

— Что понятно? Чего это тебя смех разбирает?

— Понял теперь, почему ты со всеми школьниками знаком!

Анатолий тоже весело хохочет и, схватив Инрына за плечи, пытается уложить его на лопатки. Бороться им очень неудобно, потому что оба держат в зубах папиросы и старательно отворачиваются, чтобы не обжечь друг друга. Повозившись несколько минут (силы и у того и у другого — что у молодых медведей), они садятся и шумно отдуваются.

— Верно, Инрын. Правильно догадался. Через учительницу я и с ребятами подружился. Вместе с ними школу к учебному году готовил. Окна стеклили. Здесь, в мастерской, сделали им фонарь для диапозитивов. Вместе с Ниной делали фонарь — невесту мою Ниной звать. А теперь она взялась за десятый класс меня подготовить. Хочу в будущем году в заочный институт поступить. Каждый вечер с ней занимаемся.

— Что же ты сегодня не пошел?

— Пошел, да не дошел. Тэнмав говорит: «Занеси по дороге радиограмму Кымыну. Под холмом его вельбот стоит». Ну, а дальше ты сам знаешь.

— Может, еще не поздно? Может, пойдешь, а? Ты иди, я как-нибудь сам.

— Куда ты меня посылаешь, чудак человек? Ты погляди-ка на часы — ночь уже. Она уж, небось, ждала-ждала да и спать легла, не дождавшись. Ну, ладно. Время перекур кончать.

— Нет, как же это так?..

— А ты, Инрын, не тревожься. Нина поймет, не обидится.

— Так ведь ты меня первый раз видишь.

— Ты долго рассуждать будешь? — грозно спрашивает Анатолий. — Говорят тебе, перекур кончился!

Анатолий в последний раз затягивается папиросой, бросает ее в печку и снова берется за мотор. Минут через пять он хитро взглядывает на Инрына.

— На тропке я спросил тебя про невесту. А она бы обиделась, если бы ты по такому уважительному случаю на свидание не пришел? То-то!.. А ты знаешь, ведь, кажется, вот она, загвоздка!..

* * *

Кымын проснулся первым. В палатке еще полутемно. Прежде всего он садится, всматривается в спящих и, убедившись, что Инрын еще не пришел, сразу возвращается к тем тревожным мыслям, с которыми уснул. Да, к сожалению, Кэнири прав. Даже если удастся пронести груз через горы, выезд колхоза на охоту будет наполовину сорван. Нельзя возвращаться в колхоз без мотора.

Бригадир встает и, осторожно переступая через спящих, выходит из палатки.

По тропке, соединяющей стойбище с маяком, торопливо шагает девушка. Она останавливается, срывает вместе со стебельком желто-красную ягоду морошки и вдевает ее в петлицу жакетки рядом с комсомольским значком. Когда она поднимает голову, Кымын узнает ее. Это здешняя учительница, она квартирует у его сестры.

— Здравствуй, Нина Ивановна!

— Здравствуйте, Кымын!

— Что это ты так рано встала?

— Мне на маяк надо. Хочу успеть до занятий вернуться.

— Идем тогда вместе. Я тоже как раз на маяк собрался.

Тропка узкая, вдвоем по ней не пройти. Кымын пропускает учительницу вперед. Но из уважения к старшему Нина Ивановна идет не по самой тропке, а вдоль нее — по траве, по спелым ягодам шикши. Кымын видит, как подошвы ее белых спортивных туфелек постепенно чернеют от сока раздавленных ягод.

— Нина Ивановна, ты на маяке механика знаешь? Видный такой парень, красивый.

— Ну уж и красивый!

Кымын не видит лица Нины Ивановны — только ухо и часть щеки. Но по тому, как они краснеют — сначала щека, а потом и ухо,— он понимает, что молодая учительница вполне согласна с его оценкой внешности механика. Не касаясь больше этого вопроса, Кымын говорит:

— Мне к нему надо. Покажешь мне, где он живет?

— Хорошо,— отвечает Нина Ивановна, быстро справляясь со своим смущением, и смело добавляет: — Я тоже к нему иду.

Комната Анатолия заперта, а в мастерской все еще почему-то горит электричество. Нина Ивановна толкает дверь мастерской.

На полу, обнявшись, спят Анатолий и Инрын. Кусок брезента вместо простыни, свернутый валиком замасленный ватник вместо подушки — вот и вся постель.

— Толя! — окликает Нина Ивановна.

Нет, окликом их сейчас не разбудишь! Это богатырский сон молодых, здоровых, всласть наработавшихся людей. Видимо, они работали до зари и, вконец умаявшись, заснули мгновенно, как засыпают малые дети.

Нина Ивановна опускается на колени и тормошит Анатолия. Вначале он недовольно бормочет что-то, потом открывает глаза, быстро садится и с удивлением смотрит на Нину Ивановну и Кымына.

— Доброе утро, дорогие гости,— говорит он с улыбкой.— Все в порядке!

Инрын тоже проснулся. В первый момент он не может сообразить, как очутился в этой мастерской. Но услышав слова Анатолия, он сразу вспоминает все, что произошло, и вслед за товарищем повторяет:

— Все в порядке!

Что, собственно, имеют они в виду? То ли, что неисправность в моторе обнаружена и ликвидирована, что под утро его удалось наконец завести и теперь он в отличном состоянии, хоть сейчас на вельбот... То ли, что молодая учительница напрасно тревожилась, не дождавшись вчера механика с маяка: ничто, абсолютно ничто не угрожает ее любви...

Они имеют в виду и то и другое!

Перевел с чукотского
А. СМОЛЯН

Сказка вблизи

...По нищей пакистанской деревне украшенные венками и всевозможными амулетами важно идут быки. Их почитают и берегут: это кормильцы! И если бык умирает, о нем горько-прегорько плачут — так, как не плачут о смерти собственных детей, бродящих без присмотра и надзора.

Люди в Пакистане умирают часто, и здесь к этому притерпелись. Не так давно в газетах промелькнуло сообщение, что только в одной провинции страны насчитывается больше миллиона голодающих. Сколько из них умрут или уже умерли!..

Писателю Николаю Тихонову, побывавшему в Пакистане, удалось создать реалистическую, правдивую книгу о виденном.

Уже во вступительном рассказе «Ночной въезд в Лахор» автор приоткрывает тот пышный полог экзотики, которым задрапировали буржуазные писатели подлинную жизнь далекой восточной страны, приоткрывает, чтобы читатель увидел эту жизнь такой, какая она есть.

Только в первые минуты город «казался видением сказочного, богатого мира, где живут красивые, сытые, здоровые, счастливые люди». Но не прошло и нескольких часов после приезда советской делегации, членом которой был и Н. Тихонов, как стало ясно, что «ночной Лахор действительно город сказки, но эта сказка вблизи — довольно мрачная сказка...»

Прогуливаясь перед сном, автор чуть не наступил на лежавшего у дороги человека, умиравшего от голода, а потом увидел десятки бездомных людей, неподвижно лежавших на земле, накрывшись простынями, и походивших на мертвецов.

Много подобных «чудес» совсем не экзотического свойства пришлось повидать писателю. Рассказывая про рабочий квартал Лахора, Н. Тихонов со скорбной иронией замечает:

«Ночлежный дом, описанный Максимом Горьким в пьесе «На дне», показался бы здесь домом отдыха».

Это сопоставление бросает яркий свет на картину, только что нарисованную рассказчиком: «Это глиняные конуры, слишком большие для собаки, но корова в них не поместится».

В рассказе под лаконичным названием «Курорт» Н. Тихонов повествует о горячих сернистых ключах Пир-Манго, где «каждый хочет освободиться от своего недуга» и где поэтому слепой промывает глаза рядом с прокаженным, и т. д.

Но наиболее трагичен рассказ «Философ Саид».

Герой его, носящий это прозвище, — лахорский официант, умный и веселый, любящий детей, цветы, птиц.

Но вот он, убирая со стола, случайно присутствует при разговоре о кровавых столкновениях между индусами и мусульманами при разделении Индии на Индию и Пакистан. Кто-то задает Саиду

вопрос, пострадал ли он при переселении из Дели.

«— Да, пострадал. У меня индусы убили двоюродную сестру и тетку...

При этих словах смуглое лицо его как будто посыпали металлической пылью. Потом оно вспыхнуло каким-то серым огнем, он сделал ножом движение, как будто наносил удар, и сказал:

— Но я им отомстил. Я сам, собственной рукой, зарезал двух индусов!

Страшная ненависть была в его голосе. Вдруг он почувствовал, что больше говорить об этом не надо. Он положил каменной рукой нож на тарелку, поклонился и стал собирать чашки и тарелки со стола».

Отчаянная национальная рознь и голод — вот что принесли с собой англо-саксонские «цивилизаторы».

«Эта саранча что — пожрет и улетит! Есть другая саранча, прожорливей этой!» — саркастически замечает один из жителей Карачи при появлении саранчи.

Вышедший из лавки поглядеть на саранчу торговец, пишет Тихонов в рассказе «Саранча», «посмотрел на говорившего равнодушным глазом:

— Все беды от аллаха. Велик аллах, не нам итти против его воли. Я не знаю, о какой саранче ты говоришь!»

Но читатель прекрасно поймет, чего не договорили безвестный пакистанец и писатель.

Реальные фигуры англо-американских колонизаторов показаны всего в трех рассказах Н. Тихонова («Завоеватель», «Американский консул», «Веселая шутка»), причем во всех этих рассказах на первом плане американцы (и это, пожалуй, правомерно: заокеанские партнеры Лондона непрочь положить былую ценнейшую жемчужину английской короны в собственный карман). Однако почти во всех рассказах перед нами раскрываются те или иные последствия хозяйничанья империалистов в одной из богатейших стран мира. Империалисты ввергли ее в междоусобия и привели к экономической катастрофе.

Но напрасно американец, герой рассказа «Веселая шутка», мечтает о том, как он будет «делать дела» на этом «непонятном и таинственном» Востоке! Не тот нынче Восток; это можно уловить уже в жалобе старого английского чиновника «на худые времена, на то, что дикари, как он называл пакистанцев, подняли голову». Не о подвигах седой старины слагает песни «дикий горец» в одноименном рассказе: он поет насмешливую песню о капиталистах, о Трумэне, и псевдоним его — «Бомба».

Страшен рабочий квартал в Лахоре, но то, как бережно и дружно охраняют его обитатели жилища коммунистов, вынужденных уйти в подполье, заставляет поверить, что здесь живут «люди, а не жалкие, сломленные угнетателями существа».

Здесь на глиняных стенах в крошечных переулках начертаны огромные буквы: «Руки прочь от Китая!» И еще: «Бери пример с Китая!»

Да, настанет день, когда иноземных угнетателей, а также реакционных исламистов и конгрессистов постигнет та же судьба, что и гоминдановского генерала, гадающего у шарлатана, «куда бежать дальше» («Великий курьез нашего времени»).

Тонко и убедительно подводят к этой мысли «Рассказы о Пакистане». Чрезвычайно символично: по-разному звучит слово «завоеватель» (в одноименном рассказе) в устах советского шофера и в устах американского дельца.

«Ты молодец, из тебя выйдет настоящий завоеватель!» — говорит делец сыну Гарри, выслушав его жалобу на «цветного» шофера, «который тоже поднял голову». А читатель знает, что Гарри только что позорно ретировался после попытки сорвать красный флажок с советской машины. Кто-то из местных шоферов, всегда казавшихся ему боязливыми, оттащил его за шиворот, а советский шофер бросил вслед убегавшему Гарри: «Тоже завоеватель!»

В этом случае еще раз сказалась любовь жителей Индии и Пакистана к далекому Советскому Союзу, чьим подвигом они были спасены от угрозы нашествия японских милитаристов, к Советскому Союзу, чьи пароходы с зерном вошли в этом году в порты голодающей страны.

Н. Тихонов не раз повествует об отношении пакистанского народа к нашей стране. Так, о потрясающих по своей искренности и страстности проводах, которые были устроены советской делегации, повествует предпоследний рассказ книги — «Прощальный вечер в Карачи».

Надо сказать, что рассказ «Мы летим домой», заключающий книгу, ничего не прибавляет к ее содержанию, оставаясь чисто пейзажной зарисовкой. И в то же время в сборник, к сожалению, не вошли три отличных рассказа: «К разговору», «Как сожгли новое кино в Карачи» и «Как делили зверей».

Н. Тихонов — мастер именно короткого рассказа. Он умеет ярко изобразить небольшое событие и убедительно, остро осмыслить его.

Сюжет многих рассказов писателя о Пакистане построен на резком контрасте: Лахору, «сказочному городу», противопоставляются умирающие и бездомные, ютящиеся на его улицах; экзотической внешности поэта-горца — остро современное содержание его песен; замечательной резьбе по камню — ее разбитый болезнью творец, и т. д.

Некоторые рассказы Н. Тихонова могут показаться на первый взгляд лишь любопытной этнографической картинкой. Таков, например, рассказ «В пакистанской деревне». Но присмотритесь, как писатель рисует в последних абзацах фигуру полуголого крестьянина, шагающего в город:

«Устав, он садится у дороги, вынимает из-за пояса платок, где лежит чапатти — блин из затхлой муки, — и ест его, наблюдая жизнь на дороге ввалившимися глазами как нечто глубоко ему чуждое.

И в самом деле, он никогда не будет ездить в экипаже, никогда не будет иметь такого коня, как у управляющего, никогда не сядет в машину. Отдохнув, он снова плетется в пыли, изнуренный голодом и жарой. Он может упасть и умереть. Труп его сбросят с дороги. Этим все и кончится...»

Эта щемящая нота, которой завершается рассказ, заставляет поновому взглянуть на предшествующее подробное изображение деревни: ведь перед нами только что прошло все, что изображенный Тихоновым крестьянин знал и видел целую жизнь, все, что обрекло его на безрадостное существование, на «безмолвие тягостного труда», говоря словами автора. Так возникает в рассказе особое драматическое напряжение, восполняющее отсутствие сюжета.

Н. Тихонов всегда считался отличным рассказчиком. «Рассказы о Пакистане» — новое его достижение в этом жанре.

А. ТУРКОВ

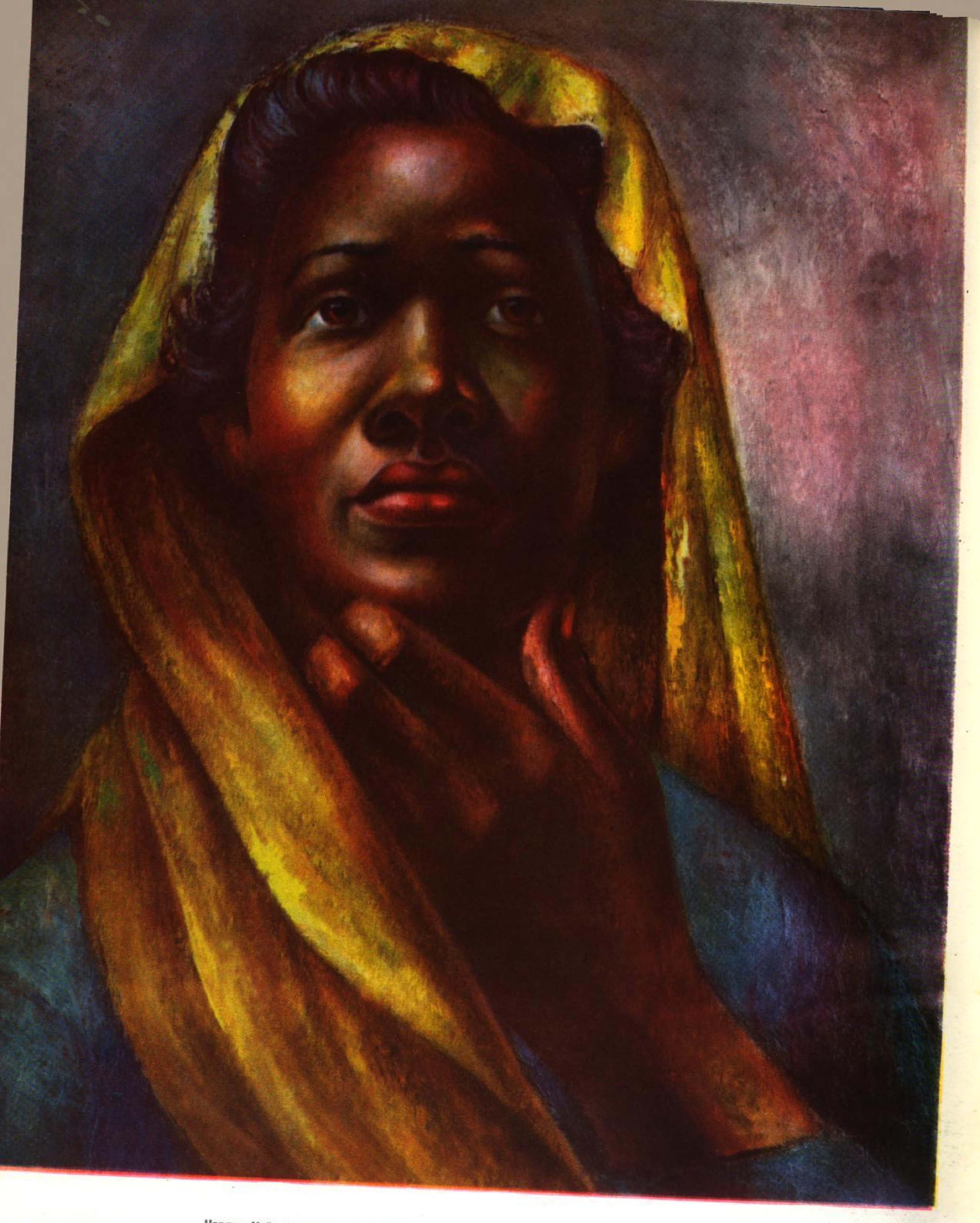

Николай Тихонов. **Рассказы о Пакистане.** Детгиз. М.-Л. 1951. 95 стр.

Член бюро Всемирного Совета Мира китайский писатель Мао Дунь.

Фото Е. Умнова

Чарльз Уайт. НЕГРИТЯНСКАЯ ДЕВУШКА, ДУМАЮЩАЯ О СВОЕМ БУДУЩЕМ.

Чарльз Уайт рассказывает...

— Я очень рано понял, что значит быть негром в Соединенных Штатах,— глуховатым голосом говорит Чарльз Уайт, молодой американский художник.

Уайт родился в Чикаго. Здесь отец его работал на железной дороге, здесь надорвался и рано умер. Здесь мать тридцать лет стучалась в двери домов богатых и спрашивала: «Не нужна ли вам прачка...Я хорошо мою полы»...

Рассказывая о своей жизни, Чарльз Уайт ходит по комнате, садится за стол, кладет перед собой руки и долго смотрит на них. Он худощав, приземист, чуть сутуловат, волосы его коротко острижены. Высокий, красивый лоб он почему-то все время морщит, и тогда он кажется много старше своих тридцати трех лет.

Еще подростком Чарльз понял, что в школе умышленно извращают историю американских негров. Он часто убегал с уроков, ходил по музеям, засиживался в библиотеках, стараясь понять, почему учитель в школе клевещет на Гарриэт Табмэн, о которой мать ему всегда говорила с гордостью и волнением. Он убегал с уроков, хотя ему ставили за это двойки и учитель кричал: «Ты ниггер! И не забывай об этом».

Чарльз Уайт.

Рисунок В. Высоцкого.

Уайт рассказывает о своей юности, время от времени поглядывая в угол комнаты, где стоит портфель, широкий и длинный, как матрац. В этом портфеле — его картины, известные прогрессивной Америке.

— Это мои новые работы,— говорит он, раскрывая портфель. И опять морщит лоб, и от этого его добрые глаза кажутся строже и печальней.

В его руках гравюра, изображающая голову бородатого негра с решительным выражением лица.

— Кто это?

— Это Нат Тэрнер, знаменитый вождь освободительного движения негров в прошлом веке.

Уайт привез в Москву целую серию портретов негритянских деятелей, и среди них — портрет Гарриэт Табмэн, той самой смелой руководительницы восстания негров в XIX веке, о которой еще в детстве ему рассказывала мать.

— А вот две самые последние мои работы,— продолжает Уайт: — голова молодого негра, слушающего Поля Робсона, и портрет маслом — девушка, думающая о своем будущем.

Кажется, есть нечто общее в облике этих двух молодых негров, написанных Уайтом, и им самим. На их преждевременно постаревших лицах не только следы тяжелых испытаний, но и решимость, она — в блеске молодых черных глаз.

— В девять лет я начал помогать матери. Был мальчиком на посылках, чистильщиком сапог, лифтером, сторожем — в общем, делал все, что подвернется под руку.

Многое, конечно, забылось с тех пор, но одно письмо с Юга Уайт хорошо помнит, письмо с красивым штемпелем штата Миссисипи. В нем сообщалось, что дядю Чарльза линчевали.

— Мать читала письмо вслух, и тут я понял, что значит быть негром в Америке.

К тому времени Чарльз уже рисовал. Рисовал много, с увлечением. Мать, скопив деньги, купила ему первый набор карандашей.

Он хотел стать художником, хотел учиться, но, конечно, на это не хватало средств. Он нанялся к белому художнику слугой, мыл студию и выполнял другую, самую черную работу. Здесь он кое-что успевал схватить, приходил домой и пытался зарисовать. Вот и вся школа. Впрочем, нет, не вся. Он познакомился с группой мальчиков-негров, тянувшихся к живописи. Они вместе писали картины, делали зарисовки с натуры и выставляли свои работы на улицах. Но как стать настоящим художником? Ведь для этого надо много, очень много учиться! Юноши откладывали центы, урезывая себя во всем, и на собранные деньги послали одного паренька в училище живописи. Этот счастливец приходил из училища, собирал товарищей и рассказывал все, что он узнал сегодня в классе. Так продолжалось это учение из года в год — в течение семи лет! Более благодарных и внимательных учеников, наверное, не знал ни один учитель!

Часто случалось, что не на что было купить краски или бумагу, и Чарльз рисовал на картоне или фанере от ящиков, а иногда и на стенах домов.

Дважды на конкурсах работы Чарльза Уайта были удостоены национальной премии. Он чувствовал себя уже счастливым. Казалось, годы тяжких лишений, борьбы за кусок хлеба и лист бумаги прошли навсегда. Казалось, теперь его талант сможет развиться, принести пользу народу. Но все это только казалось. Ни та, ни другая премии не были ему вручены: организаторы и меценаты выставки узнали, что автор понравившихся им работ — негр!

Юношей он получил все же первый «заработок». Это было пособие для голодающих.

На следующем всеамериканском конкурсе, когда уже нельзя было не считаться с его крепнущим талантом, он получил первый приз. Только это открыло ему двери школы живописи. Вскоре ему были присуждены еще две премии одного из богатых меценатов. Уайт выставлял картины, показывающие борьбу негров в XIX веке, и портреты негров — участников второй мировой войны.

Нат Тэрнер — вождь освободительного движения негров в США (30-е годы XIX века).

Это помогло Чарльзу Уайту стать на ноги. Он получил приглашение преподавать в одном из негритянских колледжей на Юге. Здесь он изучал жизнь негритянской бедноты, делал все новые и новые зарисовки. И здесь он дважды чуть не был линчеван куклуксклановцами.

Его картины уже украшали лучшие музеи США, Японии и Мексики, когда в Новом Орлеане его жестоко избили фашистские молодчики.

— О, я теперь очень хорошо знаю, что значит быть негром в США! — повторяет Уайт.

Как активный член организации «Негры в искусстве», Уайт мужественно борется за мир, за заключение Пакта Мира между пятью великими державами.

Сейчас Чарльз Уайт работает над картиной из жизни американских солдат в Корее. Он хочет рассказать в этой картине обо всей неприглядной правде этой бесчеловечной войны, затеянной англо-американскими фабрикантами смерти.

Гарриэт Табмэн, одна из руководительниц борьбы за освобождение негров.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Возвращение Булычова

Новый спектакль Театра имени Вахтангова

«Егор Булычов и другие» в постановке Государственного театра имени Вахтангова. Булычов — заслуженный артист РСФСР С. Лукьянов.

Фото М. Чернова

У спектакля «Егор Булычов и другие» М. Горького в Театре имени Евг. Вахтангова необычная биография. Он появился на сцене в сентябре 1932 года, в те дни, когда страна торжественно праздновала 40-летие общественной и литературной деятельности великого русского писателя.

В том же 1932 году можно было отпраздновать и другой, уже чисто театральный юбилей Горького: 30 лет назад, в 1902 году, на афишах Московского Художественного театра появилось впервые имя Горького-драматурга, автора «Мещан» и «На дне».

Но постановка «Егор Булычов и другие» имела значение не просто юбилейной постановки. Это была премьера новой пьесы. «Егор Булычов и другие» являлся как бы вторым рождением Горького — драматического писателя, его новым сближением, после большого перерыва, с искусством театра.

Горький отдал своего «Булычова» в ту пору молодому Театру имени Вахтангова, как в начале века он написал своих «Мещан» и «На дне» для молодого Художественного театра.

Театр имени Вахтангова и отнесся к «Булычову» со всем энтузиазмом молодости. Все было замечательно в этой пьесе: и общая картина гибели старого, буржуазного мира, заключенная в рамки провинциального купеческого дома, и яркие образы действующих лиц, и колоритнейший язык диалогов. Недаром такой опытный и зоркий мастер театра, как Владимир Иванович Немирович-Данченко, писал Горькому после прочтения «Булычова»: «Сейчас прочел «Егора Булычова». Давно, очень давно уже я не читал пьесы такой.. пленительной... Молодо, ярко, сочно, жизненно, просто,—фигуры, как из бронзы... Бесстрашно, широкодушно. Такая пьеса, такое мужественное отношение к прошлому, такая смелость правды. Говорит о победе, окончательной и полнейшей победе революции, больше чем сотни плакатов и демонстраций».

Несмотря на то, что в пьесе шла речь о последних днях богатого купца Егора Булычова, больного неизлечимой болезнью, пьеса, по мысли Горького, должна звучать как комедия. Театр хорошо понял тонкий замысел автора, ибо речь, по существу, шла о той новой жизни, которая родится, когда, по выражению Булычова, «погибнет царство, где смрад».

«Егор Булычов и другие» для Театра имени Вахтангова — спектакль принципиального значения. Он был праздником и для режиссуры театра и для всего коллектива во главе с замечательным советским актером Борисом Васильевичем Щукиным, исполнявшим роль самого Егора.

Постановка пьесы «Егор Булычов и другие» — одна из лучших режиссерских работ Б. Е. Захавы. С помощью талантливого театрального художника В. В. Дмитриева на сцене возник двухэтажный дом Булычова, показанный в разрезе. Действие переносилось из комнаты в комнату, происходило в столовой, в гостиной, в спальной хозяина, в кабинете его зятя — адвоката Звонцова, проходило в спаленке побочной дочери Егора — Шуры, в каморке возлюбленной Булычова — горничной Глафиры. Это дробление мест действий, однако, не дробило ритма пьесы. И эпизодичность отдельных сцен — кусков — все время ощущалась как целостное единство.

Самое главное заключалось в работе с актерами. Горький любил, чтобы театр вносил в пьесу свою фантазию, по-своему читал авторские ремарки. Только там, где постановщик или актеры подменяли выдумку трюкачеством, Горький «очищал» спектакль от этой шелухи. И в то же время радовался и «узаконял» каждую находку. А таких находок в спектакле «Егор Булычов» было немало.

Можно написать целую книгу о том, как Щукин воплощал образ Булычова. Актер глубокого реалистического пснимания сценического искусства, Щукин не оставил без внимания ни один штрих в характеристике своего героя. Вместе с тем Щукин установил своим исполнением то, что можно назвать щукинской традицией,— умение **думать** на сцене, передавать самый процесс сложного и трудного мышления Булычова, раскрывать все его духовные противоречия и сомнения. Про Щукина можно сказать, что он доносил до зрительного зала не только мысль Булычова, но и ум самого Горького. Так проник до конца в горьковское ощущение жизни один из лучших представителей советского драматического театра, художник взыскательного мастерства и суровой, безжалостной самокритики.

Безвременная смерть Щукина

Глафира, горничная. — народная артистка РСФСР Е. Алексеева.

Сцена встречи с игуменьей. Булычов — заслуженный артист РСФСР С. Лукьянов, игуменья Мелания — заслуженная артистка РСФСР Н. Русинова.

Сцена из II акта. Слева направо: Булычов — заслуженный артист РСФСР С. Лукьянов, Достигаев — заслуженный артист МАССР Н. Пажитнов, Ксения Булычова — Д. Андреева, приказчик Башкин — В. Балихин, адвокат Звонцов — заслуженный артист РСФСР Л. Шихматов, поп Павлин — М. Дадыко.

не была смертью самого спектакля. Одно время Булычова талантливо играл М. С. Державин, сохранивший щукинский рисунок роли, но более мягкий в его воспроизведении.

Потом «Булычов» выпал из вахтанговского репертуара, и только теперь, когда прошло без малого двадцать лет после его премьеры 32-го года, он снова вернулся на сцену.

Булычов — заслуженный артист РСФСР С. Лукьянов, его дочь Шура — заслуженная артистка РСФСР Г. Пашкова.

Можно ли рассматривать это возвращение Булычова как простое возобновление старой постановки? Думается, такой взгляд был бы неправильным. Да, конечно, многое осталось от прежних мизансцен, прежних толкований отдельных образов. Но оттого, что в спектакль пришло очень много новых исполнителей, а в зрительный зал — что немаловажно — пришло очень много новых зрителей, оттого, что зрелость старой гвардии вахтанговского театра сочеталась с воодушевлением его молодых исполнителей, спектакль приобрел особую остроту и обаяние. А сама пьеса была и осталась истинно классическим произведением советской литературы, одним из лучших образцов драматургии Горького. Еще больше выросло ее познавательное значение. Отделенная от зимы 1916—1917 года, когда умирает Булычов, тридцатью пятью годами, пьеса звучит как гневный приговор порядкам царской России, как обобщенное изображение развала старого мира, гниения российской буржуазии.

Егора Булычова играет теперь С. В. Лукьянов, в короткое время завоевавший любовь зрителей и своими театральными выступлениями и своей игрой в кинофильмах, особенно в популярной кинокомедии «Кубанские казаки». Лукьянов — актер большого темперамента, превосходной характерности, кипучей энергии и несомненного обаяния. Все это и помогает ему создать убедительный и сильный образ Егора Булычова, не схожий с образом Щукина и в то же время вполне отвечающий требованиям пьесы Горького. Но было бы ошибкой считать работу Лукьянова над Булычовым уже законченной. И это радость, а не беда для актера, ибо это и есть свойство классических ролей, что над ними можно и должно работать от спектакля к спектаклю, все время шлифуя и шлифуя отдельные положения и фразы. И для Лукьянова открывается чудесная перспектива: следуя щукинской традиции, до конца передать все оттенки мысли Булычова.

Пьеса Горького названа не просто «Егор Булычов» но «и другие». Этих других в пьесе 21 лицо. Такая «населенность» предъявляет к спектаклю вахтанговцев требование ансамблевой игры, слитного «оркестрового строя». Этот строй в новом спектакле настолько хорошо достигнут, что, несмотря на разнокачественность отдельных исполнений, все время чувствуется общая атмосфера булычовского «дома», его «обжитость».

Из этих «других» дома Булычова хочется особо выделить чудесную русскую женщину Глафиру в глубоко прочувствованном исполнении Е. Г. Алексеевой, яростную волчиху в монашеской рясе Меланию — Н. П. Русинову, острейший рисунок сценического облика лекарки Зобуновой, сделанный Е. Д. Понсовой, невозмутимый комизм унылого трубача — В. Г. Кольцова. А из новых «пришельцев» в спектакль прежде всего запоминается Г. А. Пашкова — рыжая умница Шурка, жена Булычова — хитрая, но не умная Ксения в законченной характеристике Д. А. Андреевой (ранее игравшей Варвару) и, наконец, купеческая декадентка Антонина — А. А. Казанская. Есть много интересного, есть много и спорного в трактовке других обитателей булычовского дома, но нашей задачей было не согласие или спор с тем или другим исполнением, а признание огромного общественного и художественного значения возрождения «Булычова» на сцене.

Это по-настоящему прекрасно, что зрители вновь получили возможность видеть один из лучших спектаклей горьковского репертуара, принадлежащий к золотому фонду советского театра. И приятно сознавать, что вахтанговцы не расточили своего богатства, а сумели сохранить молодость и свежесть своей постановки до наших дней, придав ей характер действительно «нового спектакля».

Н. ВОЛКОВ

Трубач — заслуженный артист РСФСР В. Кольцов.

На снежных склонах БАКУРИАНИ

Лыжники «елочкой» поднимаются в гору. Там старт их скоростного спуска.

Мастер спорта Д. РОСТОВЦЕВ **Фото Е. УМНОВА**

Разнообразный горный рельеф, хороший снег и яркое южное солнце привлекают в Бакуриани массу лыжников. Они едут сюда провести отпуск, повысить свое спортивное мастерство под руководством опытных тренеров.

Туристы совершают различные круговые маршруты, устраивая свои биваки в лесу или в снежных пещерах. Их первый маршрут почти всегда начинается с вершины горы Кохты. Она служит как бы наблюдательным пунктом: в безоблачный день отсюда можно увидеть главный Кавказский хребет от Казбека до Эльбруса. Соседние же с Кохтой вершины манят к себе близостью и доступностью. Ближайшая из них — Цкра-Цхаро — «Девять источников».

Но что за причудливая кривая видна на одном из склонов Кохты? Рядом с ней, порой ее пересекая, появляется другая, третья...

Всмотревшись, замечаешь, как несколько спортсменов, спускаясь на лыжах, рисуют змейки поворотов. Их тренировки и соревнования обычно устраиваются на Кохте со стартом на самой вершине. И сейчас целая группа пришла на тренировку. Вот они, медленно поднимаясь, расставляют на склоне горы попарно красные и синие флажки представляя мысленно какую-то кривую трассу. Каждая пара флажков образует ворота, через которые должен спуститься на лыжах спортсмен как можно быстрее.

В приблизившейся группе мы узнаем известных мастеров этого вида спорта — москвича Александра Филатова, горьковчан братьев Аверкия и Вениамина Тюриных, кировчанина Юрия Шаркова. Они приехали сюда на совместную тренировку, хотя и состоят в разных спортивных обществах.

Перед стартом каждый из них плотнее зашнуровывает ботинки, а жесткие крепления затягиваются так, что каблуки совсем не поднимаются от лыж, — малейшее движение ног будет передано лыжам. Один из спортсменов берется выполнить обязанности стартера, а тренер с секундомером в руках стоит внизу у финиша. Сегодня контрольная «прикидка». Кто-то выходит на старт...

Стартер произнес последнее слово команды — «марш!»

Резкий толчок палками, бросок тела вперед, затем еще толчок, и скорость набрана... Первый поворот направо, затем сразу налево. Гора круто уходит вниз, повороты следуют один за другим. Спортсмен, мелькая меж флажков, направляет лыжи то поперек горы, то прямо по склону.

Врезаясь в твердый снег, стальная окантовка лыж только повизгивает на виражах. Стремительно проходятся одни ворота за другими — преодолеваются такие трудные фигуры, составленные из флажков, как «шпилька», «змейка» и «коридор». Полусогнутая фигура спортсмена говорит о большом напряжении сил. Только выполнив последний поворот и мелькнув мимо судей, он сможет распрямиться и расслабить уставшие мышцы.

Следуя один за другим, спортсмены демонстрируют виртуозное владение лыжами, ловкость.

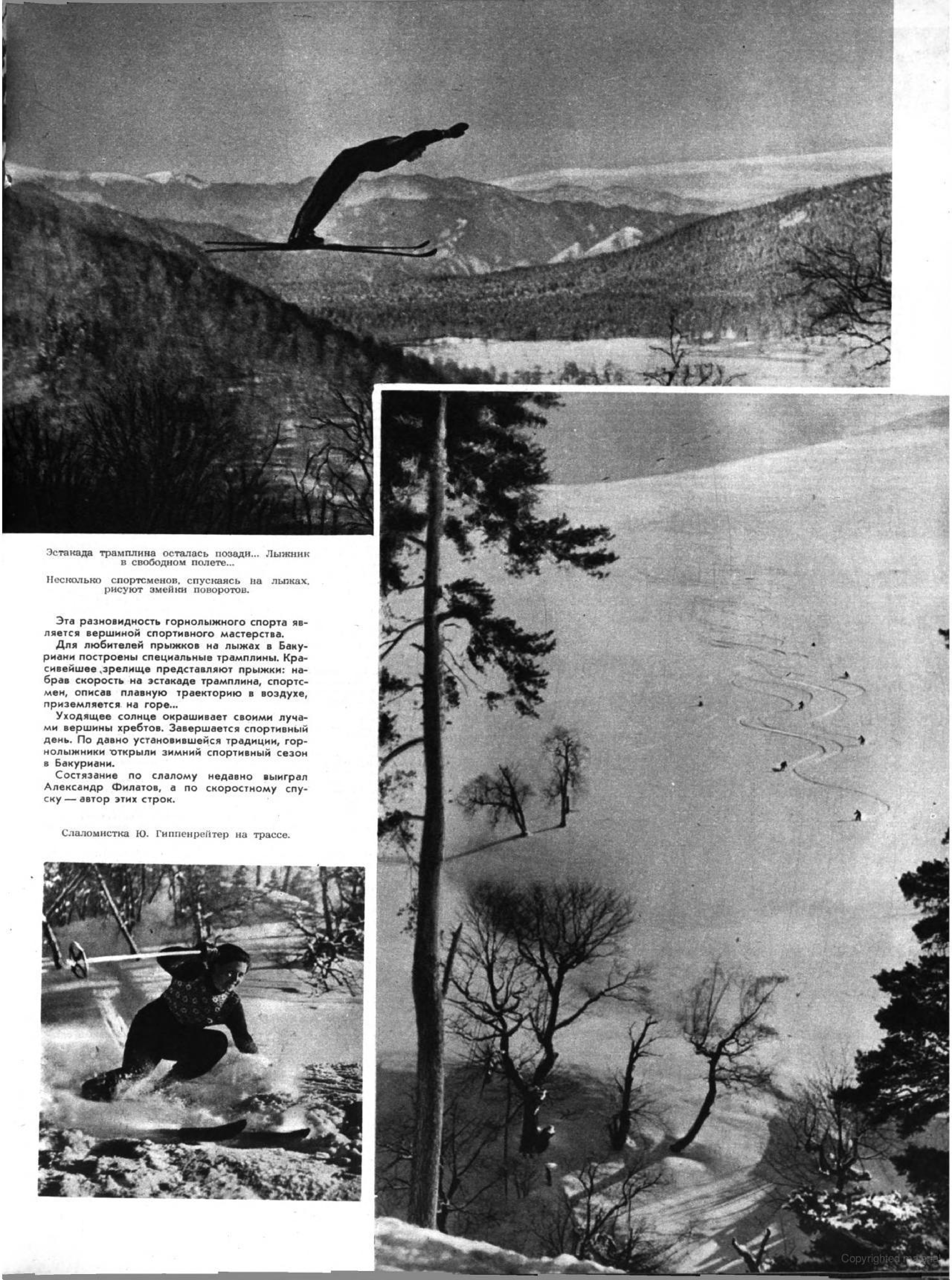
Закончив тренировку слалома, лыжники идут на трассу «скоростного спуска». Узкая лента плотно утрамбованного снега с вершины уходит вниз, плавно изгибаясь, чтобы миновать опасные участки — обрывы, камни, деревья. Протяженность ее два — три километра с понижением до 1 000 метров. Надев на глаза защитные очки от ветра, спортсмен, уходя со старта, быстро скрывается. Сжавшись в комок, он несется со скоростью курьерского поезда. Встречные предметы мелькают, как в калейдоскопе... Малейшая неточность, и лыжнику грозит падение. А тот, кто упадет, теряет все шансы на победу. На большой скорости бугорок превращается в трамплин, подкидывающий спортсмена в воздух. Но и в полете нужно сохранить равновесие. На пути резкие спады, бугры, виражи. Не снижая скорости, нужно пройти их в том же стремительном темпе.

Группа горнолыжников выходит на очередную тренировку.

Мастер спорта А. Филатов выполняет тренировочный прыжок с палками.

Эстакада трамплина осталась позади... Лыжник в свободном полете...

Несколько спортсменов, спускаясь на лыжах, рисуют змейки поворотов.

Эта разновидность горнолыжного спорта является вершиной спортивного мастерства.

Для любителей прыжков на лыжах в Бакуриани построены специальные трамплины. Красивейшее зрелище представляют прыжки: набрав скорость на эстакаде трамплина, спортсмен, описав плавную траекторию в воздухе, приземляется на горе...

Уходящее солнце окрашивает своими лучами вершины хребтов. Завершается спортивный день. По давно установившейся традиции, горнолыжники открыли зимний спортивный сезон в Бакуриани.

Состязание по слалому недавно выиграл Александр Филатов, а по скоростному спуску — автор этих строк.

Слаломистка Ю. Гиппенрейтер на трассе.

Сколько живет пчела?

Каждый, кому доводилось заниматься пчелами, знает, что в наших средних широтах пчела, рожденная весной или летом, живет шесть недель, а рожденная осенью — шесть месяцев.

В чем дело? Ведь в семье, которая не сменяла матки, пчелы, даже разных поколений, — родные сестры. Они произошли от одних родителей, развились из одинаковых яиц, сформировались в одинаковых ячейках, одинаково выкормлены. Почему же продолжительность их жизни различна?

В этой же семье выкармливается матка, которая способна прожить лет пять. Нет данных, которые говорили бы, что осенняя матка долговечнее весенней. Значит, время рождения может не играть решающей роли.

Сопоставим сроки жизни трех сестер: шесть недель, полгода, пять лет. Эти различия представляются просто фантастическими, все равно, как если мы сопоставим три возраста: пятидесятилетний, двухсотлетний и двухтысячелетний.

Откуда же возникает, чем определяется поразительная разница в средних сроках жизни существ, рождающихся из одинаковых зародышей?

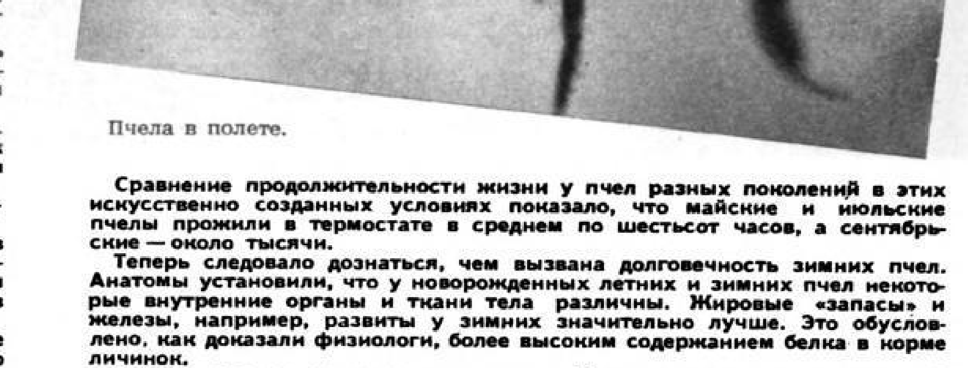
Вопрос о матке решается просто. Она действительно происходит из такого же яйца, как и пчелы, но ее личинка получает другую пищу и воспитывается в ячейке, отличной по форме и размеру от обычных. Взрослая матка и жизнь проводит совсем не так, как рабочие пчелы. Очевидно, в этом таятся причины ее относительного долголетия.

Летние пчелы живут в семье, в которой с каждым днем появляется все больше личинок и которая строит соты и расходует огромное количество энергии на полеты за кормом. Семья обитает в улье, пронизанном солнечным теплом, и питается только что собранным нектаром и пыльцой.

Осенние пчелы почти всю свою жизнь проводят в семье, которая не увеличивается. Зимой они сидят в улье, сгрудившись в плотный клубок, ничего не строят и лишь расходуют корм, запасенный летом их сестрами.

Таковы явные различия. Надо выяснить, нет ли между пчелами разных поколений также и скрытых различий, заложенных в самой их природе.

Подробное исследование ответило на этот вопрос. В мае несколько проб — каждая по сотне пчел, родившихся в одной семье, в один день, — были заключены в термостат, где пчелы получали одинаковый корм. Так же поступили в июле и в сентябре. Всем подопытным во время испытаний давали корм, приготовленный по одному рецепту.

Пчела в полете.

Сравнение продолжительности жизни у пчел разных поколений в этих искусственно созданных условиях показало, что майские и июльские пчелы прожили в термостате в среднем по шестьсот часов, а сентябрьские — около тысячи.

Теперь следовало дознаться, чем вызвана долговечность зимних пчел. Анатомы установили, что у новорожденных летних и зимних пчел некоторые внутренние органы и ткани тела различны. Жировые «запасы» и железы, например, развиты у зимних значительно лучше. Это обусловлено, как доказали физиологи, более высоким содержанием белка в корме личинок.

Значит, разное количество скормленной личинкам пыльцы растений по-разному влияет на развитие желез и жирового «запаса» пчел и таким образом определяет продолжительность их жизни?

Самый верный способ проверить правильность такого вывода — научиться, не считаясь с сезоном, по желанию исследователя, получать поколения летних пчел зимой и зимних — летом.

Было бы слишком долго описывать подробности поставленных экспериментов. Скажем только об итогах одного из них: пчелы, рожденные летом, благополучно продолжали жить не только пятьдесят дней, но и сто, двести, триста и даже четыреста дней. Средний срок жизни летней пчелы оказался превзойденным в опыте, по меньшей мере, в десять раз. Эти пчелы прожили по десять пчелиных веков!

Опыт показал, что продление срока существования пчелы вполне реально.

Отнюдь не следует думать, что здесь одержана какая-нибудь победа над природой. Нисколько! В факте, добытом экспериментаторами, не было ничего нового. Это можно наблюдать у пчел и в естественных условиях.

Трутни, например, живут всего около ста дней. Но умирают они не потому, что неспособны жить дольше, а потому, что их жизнь пресекается пчелами, изгоняющими их осенью из гнезда. Если же из семьи, потерявшей матку, трутни не изгнаны, они благополучно перезимовывают и могут жить до двухсот пятидесяти — трехсот дней.

Значит, импульс жизни в зачатках, в зародышах достаточен, чтобы развивающиеся существа могли прожить в пять—десять раз дольше, чем в действительности. Таким образом, опираясь на богатые ресурсы жизненности, присущие организмам, можно оттеснять смерть с ее «законных» рубежей.

Этот вывод очень важен. Он весьма убедительно подтверждается и практикой продления жизни целых пчелиных семей.

Пчелиная семья не обычный организм, а своеобразный организм организмов. Но она тоже рождается, растет, развивается, размножается, стареет и умирает.

Рождается она в тот момент, когда рой покидает обжитое гнездо. Это — начало ее индивидуальной жизни. В гнезде остается, обновляясь в составе, семья с полной сил молодой маткой, а рой со старой маткой омоложен переселением в новые условия и, как спрыснутый живой водой, разрастается.

Однако сколько бы раз ни происходило роение, семья, обитающая в старом гнезде, раньше или позже погибает. Наблюдать это можно не только в естественных условиях, но и в колодном, дупляночном пчеловодстве.

Широко известно описание смерти пчелиной семьи, принадлежащее перу Л. Н. Толстого в третьем томе романа «Война и мир», где признаки умирания с поразительной зоркостью, чуткостью и тонкостью схвачены великим русским писателем.

Увидев сквозь смотровое окошечко дуплянки такую семью, пчеловод отмечал колоду мелом и в первый свободный день выламывал соты для перетопки их на воск.

Все это было неизбежно, пока пчел разводили в колодах, куда пасечник мог лишь заглядывать. Когда же пчел стали поселять в разбираемые и, следовательно, доступные для подробного изучения рамочные ульи, где соты так легко заменяются, смерть пчелиной семьи стала отнюдь не обязательной.

Едва при очередной проверке подмечены в каком-нибудь гнезде тревожные симптомы — исчезновение матки, отсутствие червы, пчеловоду иногда достаточно подсадить в гнездо хотя бы небольшой клинышек сотов с яйцами и молодыми личинками из молодой семьи, и эта простейшая операция, во многом сходная с подсадкой чужой ткани, устраняет опасность гибели. Семья выводит новую матку и, оправившись, продолжает нормально жить.

Благодаря такому несложному приему жизненный процесс искусственно продлевается чуть ли не до бесконечности. Объясняется это тем, что на смену завершившим свой жизненный путь и отмирающим старым пчелам в семью вливаются новые, молодые. Смена поколений превращает семью в органическую структуру, постоянно самообновляющуюся, закономерно самоомолаживающуюся и потому способную оставаться живой и жизнедеятельной, пока внимание и труд пчеловода продолжают предохранять ее от смерти.

И. ХАЛИФМАН

На фото в круге — пчелы-кормилицы. Слева — у летка. В центре — пчела-сборщица пыльцы с обножкой — пыльцой в корзиночках на задних ножках.

Фото А. Стефанова

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

Карел Чапек (1890—1938) — знаменитый чешский писатель-сатирик. В своих произведениях обличал современное буржуазное общество. В рассказе «Александр Македонский» высмеиваются лицемерные рассуждения агрессоров, оправдывающих захватнические войны мнимой необходимостью обеспечить «безопасность своих границ».

Карел ЧАПЕК

Рисунок Бориса Лео

Письмо Аристотелю из Стагира, директору лицея в Афинах

Дорогой Аристотель, мой великий и любимый учитель!

Долго, очень долго я не писал Вам, но Вы знаете, как я был занят военными делами. В походах на Гирканию, Дрангиану и Гедрозию, в битвах за Бактрию, во время перехода через Инд поистине не было ни времени, ни желания взяться за перо. Сейчас я уже несколько месяцев нахожусь в Сузах. Но и тут опять пришлось с головой погрузиться в дела правления, пришлось назначать чиновников и ликвидировать интриги и мятежи, так что до сегодняшнего дня не было возможности написать Вам о себе.

Правда, из официальных сообщений Вы в общих чертах знаете о моей деятельности. Но моя преданность Вам и вера в Ваше влияние на просвещенные умы Эллады снова побуждают меня открыть сердце Вам, моему уважаемому учителю и наставнику.

Вспоминаю, как несколько лет назад (как давно это, кажется, было!) я над гробницей Ахиллеса сочинял Вам восторженное и сумасбродное письмо. Это было накануне моего похода в Персию, и я тогда клялся, что доблестный пелеец будет для меня образцом на всю жизнь. Я грезил о геройстве и славе. К этому времени за мной уже была победа над Фракией, и я думал, что веду своих македонцев и греков против Дария только затем, чтобы мы увенчали себя лаврами и были достойны своих предков, воспетых божественным Гомером. Могу сказать, что на высоте таких идеалов я был и в Херонее и в Гранике... Но сегодня я уже по-иному, политически, оцениваю значение своих тогдашних действий. Трезво смотря на вещи, надо сказать правду: нашей Македонии, плохо связанной с Грецией, постоянно грозила опасность с севера, со стороны варварской Фракии. Фракийцы могли напасть на нашу страну в любой неблагоприятный для нас момент, а греки воспользовались бы этим, чтобы, нарушив договор с нами, отделиться от Македонии. Было необходимо захватить Фракию, чтобы обезопасить наш фланг в случае измены Греции. Это была чисто политическая необходимость, дорогой Аристотель, но Ваш ученик тогда еще не сознавал этого и предавался мечтам об ахилловых подвигах.

После покорения Фракии наше положение изменилось: мы теперь владели всем западным побережьем Эгейского моря вплоть до Босфора. Но нашему господству в этом море угрожала морская мощь Персии. Достигнув Геллеспонта и Босфора, мы очутились в опасной близости персидской сферы влияния. Борьба между нами и Персией за Эгейское море и свободный проход через Проливы была неизбежна. На счастье, мы нанесли удар раньше, чем Дарий успел приготовиться. Я думал тогда, что иду по стопам Ахилла и, сражаясь во славу Греции, творю материал для новой Илиады. В действительности, как я понимаю это сейчас, дело было просто в необходимости оттеснить персов от Эгейского моря. И я оттеснил их, дорогой учитель, оттеснил так основательно, что занял всю Вифинию, Фригию и Каппадокию, покорил Сицилию и дошел до самого Тарса. Малая Азия стала наша. Не только старая Эгейская лужа, но и весь берег Средиземного, или, как мы его называем, Египетского, моря был в наших руках.

Вы скажете, милый Аристотель, что этим была достигнута моя главная политическая и стратегическая цель — полное вытеснение Персии из греческих вод. Однако же в результате покорения Малой Азии сложилась новая обстановка: наши новые береговые границы могли оказаться под угрозой с юга, со стороны Египта или Финикии. Персия могла бы получить от этих стран поддержку и военные материалы для продолжения войны с нами. Следовательно, стало необходимо занять берега Тира и вступить в Египет. Сделав это, мы стали властителями всего Средиземноморского побережья, но одновременно возникла новая опасность: базируясь на богатую Месопотамию, Дарий мог бы вторгнуться в Сирию и отрезать наши египетские владения от малоазиатских. Следовало во что бы то ни стало разбить Дария наголову, что мне и удалось под Гавгамелом. Как вы знаете, нам достались Вавилон, Сузы, Персеполь и Пасагарды. Так мы стали господствовать на Персидском заливе.

Однако же для того, чтобы обезопасить нашу новую империю от возможных набегов с севера, необходимо было обезвредить мидян и гиркан. Я сделал это, и наши владения протянулись от Каспийского моря до Персидского залива, но все еще не были защищены с востока. Тогда я со своими македонцами отправился в поход в земли ареев и дрангианов, опустошил Гедрозию и истребил арахозцев, после чего победоносно вступил в Бактрию. Военную победу я закрепил брачными узами, взяв себе в жены бактрийскую царевну Роксану. Это было политически необходимо.

После того, как я завоевал для своих македонцев и греков столь обширные земли на востоке, мне волей-неволей пришлось искать приязни своих новых подданных — варваров. Средствами к этому были величие и пышность, без которых убогие пастухи Востока не представляют себе мощного властителя.

Скажу правду: моя старая македонская гвардия была недовольна этим. Ей казалось, что их полководец отвернулся от своих боевых ветеранов. Именно поэтому я был, к сожалению, вынужден казнить моих старых соратников Филота и Калисфена... Поплатился жизнью и мой Парменион. Я очень жалел их, но другого выхода не было, ибо брожение среди македонцев ставило под угрозу мой следующий шаг. Дело в том, что я готовился к походу в Индию. Видите ли, Гедрозия и Арахозия, словно стеной, окружены высокими горами. Но для того, чтобы они стали неприступной крепостью, мне был необходим плацдарм, с которого можно предпринимать вылазки или, наоборот, отступать за крепостную стену. Такой стратегический плацдарм представляет собой Индия вплоть до реки Инд. Военная логика требовала захвата этой территории, а с нею и предмостья на другом берегу Инда. Ни один предусмотрительный политик или полководец не поступил бы иначе.

Когда мы уже достигли реки Гифазис, мои македонцы стали роптать, говоря, что не пойдут дальше, потому что устали, ослабли от болезней и скучают по родине. Пришлось вернуться. Это был ужасный путь для моих ветеранов, но еще ужаснее для меня: ведь я собирался дойти до Бенгальского залива, дабы установить для моей родной Македонии естественную границу на востоке. И вот пришлось временно отказаться от этого намерения.

Мы вернулись в Сузы. Я мог бы быть доволен, создав для моих македонцев и греков такую громадную империю. Но чтобы не полагаться лишь на своих усталых людей, я принял в свое войско тридцать тысяч персов. Это хорошие солдаты, и они были нужны мне для обороны восточных границ. И представьте себе, мои ветераны очень обиделись на меня за это. Они не поняли, что, приобретя для своего народа восточные земли, во сто раз превышающие размеры Македонии, я тем самым становлюсь великим восточным монархом, что мне нужно назначать своих советников и вельмож из числа восточных владык и окружить себя пышностью Востока. Все это естественная политическая необходимость, и я принимаю ее в интересах Великой Македонии.

Обстоятельства требуют от меня все новых личных жертв, и я несу их, не ропща, мысля лишь о величии и силе своей прославленной империи. Приходится привыкать к варварской роскоши и к пышности восточных обычаев: я взял себе в жены трех восточных царевен, а ныне, милый Аристотель, я даже провозгласил себя богом.

Да, мой дорогой учитель, богом! Мои верные восточные подданные поклоняются мне и во славу мою приносят жертвы. Это политически необходимо для того, чтобы создать мне должный авторитет у этих горных скотоводов и погонщиков верблюдов. Как давно было время, когда вы учили меня действовать согласно разуму и логике! Но что поделаешь, сам разум говорит, что следует приноравливаться к человеческому неразумию.

Путь, по которому я иду, может показаться фантастическим. Но сейчас, в ночной тишине моего божественного уединения, оглядывая мысленно весь этот путь, я вижу, что никогда не предпринимал ничего, что не было бы обусловлено моим предыдущим шагом.

И вот, слушайте, мой милый Аристотель: ради спокойствия и порядка в империи, в интересах реальной политики было бы целесообразно провозгласить меня богом и в наших западных владениях. Уверенность, что Македония и Эллада приняли принцип моей неограниченной власти, развязала бы мне руки и здесь, на востоке, дала бы возможность завоевать для Греции естественную границу на китайском побережье. Тем самым я бы навеки обеспечил мощь и безопасность своей Македонии. Как видите, это разумный и трезвый план. Я уже давно не тот фантазер, что произносил клятву над гробницей Ахиллеса.

И вот сейчас я прошу Вас, моего мудрого друга и наставника, философски обосновать и убедительно мотивировать грекам и македонцам провозглашение меня богом. Делая это, я поступаю как отвечающий за себя политик и государственный муж.

Таково мое задание. От Вас зависит, будете ли Вы выполнять его в полном сознании политической важности, целесообразности и патриотического смысла этого дела.

Приветствую Вас, мой дорогой Аристотель!

Ваш Александр МАКЕДОНСКИЙ

Перевел Ю. Ансель

Сережки — мужские соцветия фундука.

Выпадет снежок, по утрам нет-нет да и скует землю морозец, деревья спят глубоким зимним сном.

Однообразным и скучным кажется фундучный сад, на тонких веточках деревьев повисли серовато-зеленые сережки. На некоторых из них начали распускаться, как бы ощетиниваясь, чешуйки — мужские цветы. На одних сортах они распускаются в верхней части сережек, на других — в нижней...

Стоит слегка встряхнуть куст фундука с распустившимися сережками, как из них полетит золотая пыль. Так в разгаре зимы цветут мужские цветы орехоплодного растения — фундука. Примерно в это же время начинается цветение и женских цветов.

Но вы не увидите на них ярко окрашенных лепестков венчика и не ощутите тонкого благоухающего аромата. Они почти не отличаются от обычных почек, расположенных на побегах куста. Только при внимательном осмотре на вершине некоторых почек можно заметить маленький пучок красных ниточек, представляющих собой рыльце пестика. Вот и весь цветок.

Невзрачное растение — фундучный орех. Для его описания не подберешь ярких сравнений, но это очень ценная культура.

Ядра ореха содержат от 50 до 77 процентов жира и 15 процентов белка. Это высококалорийный концентрат, созданный природой, и трудно найти второй такой плод, который может сравниться по своей питательности с орехами фундука.

Ореховое масло по пищевым свойствам не уступает коровьему. Ореховый жмых идет на изготовление кондитерских изделий, например, халвы.

* * *

...Это было давно. Селекционеры Сочинской опытной станции решили создать более тонкокорые и более масляничные сорта фундука.

В саду зима. Ветер проносит по рядам сада золотисто-желтую метель, каждая пылинка которой таит в себе жизнь.

Жизнь — самое близкое для селекционеров-мичуринцев слово. Они работают с живым миром, создавая новые растительные организмы.

В сад пришли селекционеры и надели на веточки с сережками и женскими цветочными почками белые мешочки-изоляторы, переопылили лучшие сорта между собой.

Вместе с сочинскими пришли в сад и селекционеры, присланные в Сочи великим преобразователем природы Иваном Владимировичем Мичуриным. Они опылили женские почки субтропических фундуков пыльцой северной лещины.

Прошли годы. Выросшие на селекционном участке кусты фундука на первый взгляд все одинаковы, но стоит присмотреться более внимательно, — увидишь, что каждый чем-то отличается от других четырех тысяч растений. Одни выделяются по росту, другие по форме куста. Различные на каждом селекционном фундуке и орехи. На кусте № 1 они заострены к вершине и несколько сужены к основанию, покрыты еле заметным пушком, который придал их золотистой окраске матовый оттенок. Плоды этого гибрида отличаются очень тонкой скорлупой и масляничным ядром. На кусте № 16 орешки темнокоричневой окраски, несколько приплюснутые к вершине, тонкокорые, с богатым жиром ядром.

Куст № 35 дал урожай золотистых с темными продольными полосами плодов; ядра их содержат свыше 70 процентов жира.

На 1 500 километров севернее приморского субтропического сада, в городе Мичуринске, вырос второй селекционный фундучный сад, растения которого прекрасно переносят суровые морозы, дают хорошие урожаи тонкокорых масляничных орехов.

Ф. ЗОРИН

Селекционный тонкокорый орех № 1.

ПОЧТА «ОГОНЬКА»

РЫБА «РЫБОЛОВ»

Новороссийская биологическая станция обладает большой коллекцией представителей флоры и фауны северо-восточной части Черного моря. Недавно эта коллекция пополнилась новым интересным экспонатом. Рыбаки колхоза имени Нариманова передали станции пойманную ими рыбу — «морского чорта».

Он имеет 70 сантиметров длины. Как и все донные рыбы, «морской чорт» приплюснутой формы. Интересна одна особенность. На голове у этой своеобразной рыбы имеется длинный отросток, играющий для нее роль... «удочки».

Хитрый «рыболов» зарывается в ил и стережет свою добычу — разных мелких рыбешек, которые приплывают к нему, привлеченные его извивающимся отростком, и попадают в огромную пасть хищника.

«Морской чорт» в Черном море встречается редко, а у берегов Новороссийска был пойман впервые.

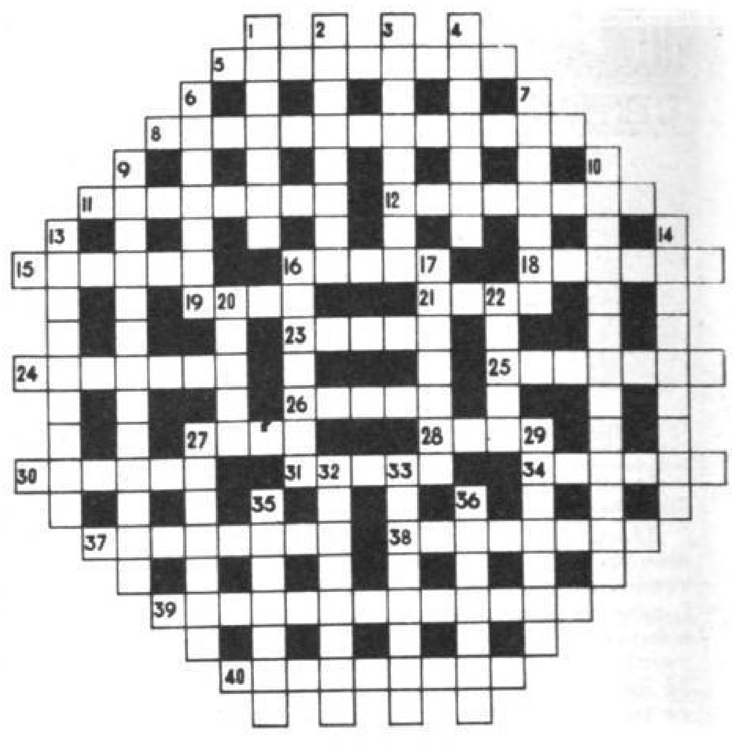
Р. АЛЯКРИНСКИЙ

Новороссийск.

В этом номере помещены две страницы репродукций картин художников И. Левитана «Весна», Ч. Уайта «Негритянская девушка» и шесть страниц цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Великий русский ученый. 8. Словарная литература. 11. Твердое неорганическое тело, имеющее форму правильного многогранника. 12. Гимнастический снаряд. 15. Запирающий механизм орудий и машин. 16. Разновидность агата. 18. Пустыня в Африке. 19. Оросительная канава. 21. Большой сад. 23. Бразильский писатель, лауреат международной Сталинской премии мира. 24. Советский писатель. 25. Судно специального назначения. 26. Советский архитектор. 27. Род духового медного инструмента. 28. Государство в Азии. 30. Жидкость для засолки. 31. Пионерский лагерь. 34. Остаток свечи. 37. Передовой отряд. 38. Избыток. 39. Зарождение. 40. Советская оперетта.

По вертикали:

1. Станок. 2. Душистая туалетная жидкость. 3. Шест для подъема флага. 4. Город в Пакистане. 6. Приспособление для смягчения толчков при движении. 7. Город в Белорусской ССР. 9. Орган государственной власти. 10. Приведение нескольких периодически изменяющихся явлений к точному взаимному соответствию периодов их протекания. 13. Документ к передаваемому товару. 14. Ученое звание. 16. Итальянский музыкальный инструмент. 17. Небесное тело, обращающееся вокруг планеты. 20. Род музыкальной пьесы или стихотворения. 22. Надстройка на палубе судна. 27. Строитель первой в мире механической прядильной фабрики. 29. Имитация кожи. 32. Специальность в издательском деле. 33. Морское животное. 35. Центр Алтайского края. 36. Монета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 5

По горизонтали:

7. Хронометр. 8. Лермонтов. 10. Хлопоты. 11. Павлов. 12. Тирана. 13. Окалина. 18. Крановщик. 20. Внятность. 21. Тавот. 22. Идеал. 23. Нерпа. 25. Севан. 28. Корректор. 29. Котовский. 32. Бекетов. 34. Свинец. 35. Отмель. 36. Маршрут. 37. Внедрение. 38. Философия.

По вертикали:

1. Драматург. 2. Козлов. 3. Сталактит. 4. Лейтенант. 5. Поэзия. 6. Доминанта. 9. Шпиль. 14. Анадырь. 15. Овчарка. 16. Стрелок. 17. Компост. 19. Катер. 20. Вожак. 24. Годовщина. 25. Сочетание. 26. Новолуние. 27. Филология. 30. «Левша». 31. Печора. 33. Отпуск.

Обо всем

ЛУЧИ ПРОЖЕКТОРА

Для некоторых исследований атмосферы применяются лучи прожектора. Однако их можно видеть лишь до высоты 10—12 километров: наблюдению мешает свет, излучаемый ночным небом.

Ученые поставили в прожекторе на пути луча задвижку, которая открывается и закрывается 12 раз в секунду. Наблюдать за мигающим светом стали с помощью фотоэлемента. В нем от мигающего света возникает прерывистый ток, а от света неба — постоянный. Переменный ток усилили с помощью лампового усилителя; получилось, как будто прожекторный луч стал во много раз светлее, а яркость света неба осталась неизменной. Этим способом «подняли» луч света до высоты 40 километров.

Путем разложения света прожектора и света неба в спектры удалось сделать прожекторный луч «видимым» на высоте 55 километров.

В последние годы советские ученые добились еще больших успехов. Построив прожектор, дающий ультрафиолетовые лучи (яркость света неба в которых очень мала), удалось «прощупывать» атмосферу на высоте до 80 километров и при этом вести наблюдения ночью и днем.

КИТ В РЕКЕ

Река. На берегах в полнейшем смятении рыболовы с удочками. По реке, пуская фонтаны, плывет кит.

Такая картина представляется совершенно невероятной, но вот каковы недавно опубликованные факты:

«14 сентября 1950 года в фарватере р. Енисей был обнаружен кит, который плыл вверх по течению. 19 сентября в 400 км от устья, на левом берегу Енисея, в 15 км от с. Дудинка, кит был обнаружен мертвым и доставлен на рыбный завод» (журнал «Природа»).

Оказалось, что это совсем еще молодой полосатик — финвал, едва вышедший из «грудного» возраста, длиной «всего» в 14,7 метра и весом более 10 тонн. В реку он зашел из Карского моря и погиб, повидимому, от обсыхания тела и последующего теплового удара; возможно также, что смерть наступила вследствие повреждений и порезов о грунт речного дна.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

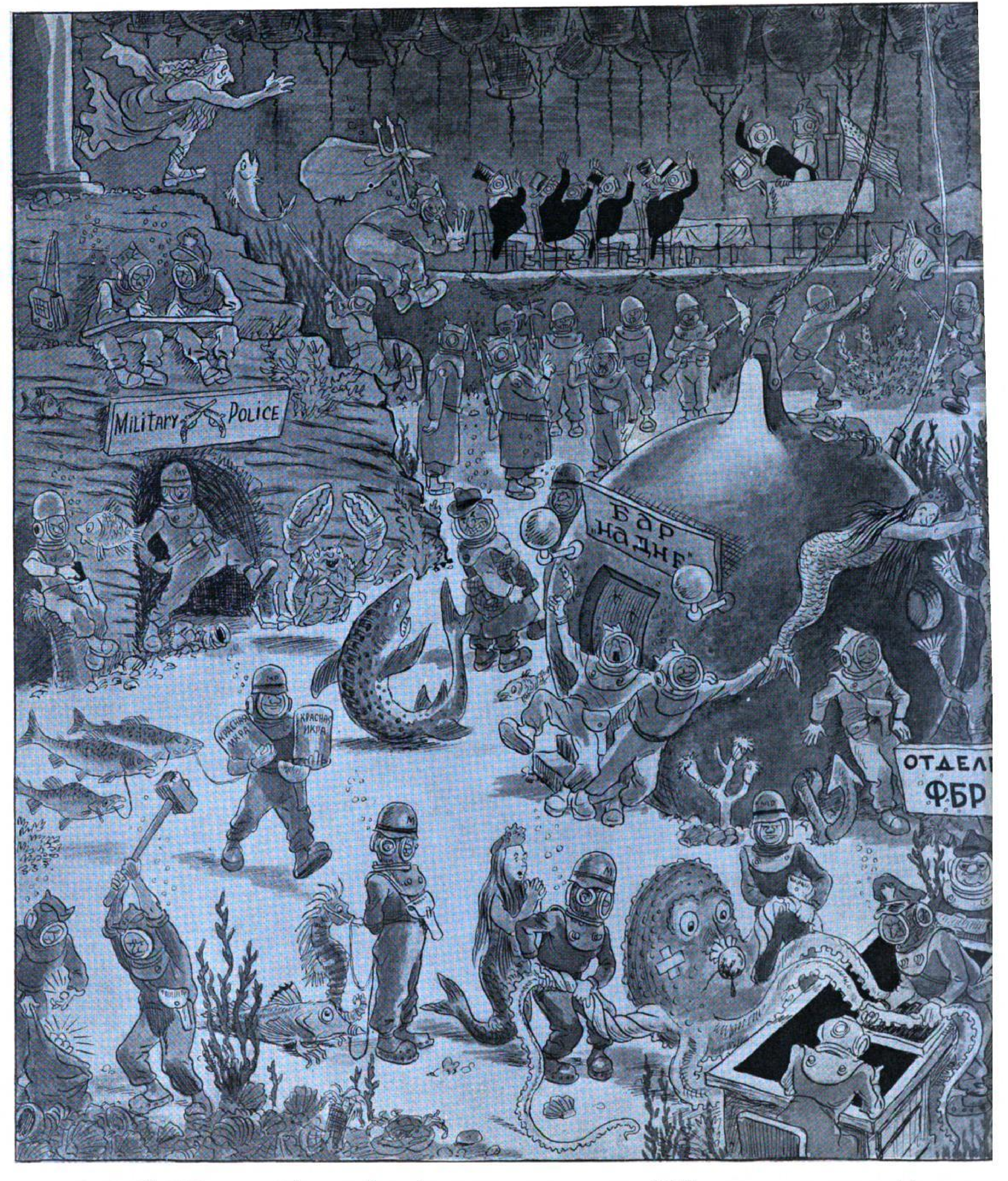
Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А — 01315. Подписано к печати 25/I 1952 г. Изд. № 78. 5½ печ. л. Тираж 500 000. Заказ 2740. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

В МУТНОЙ ВОДЕ

Американская оккупация Японии распространяется не только вширь, но и... вглубь! Как сообщают газеты, американцы уже изъяли из общего пользования ряд участков Японского моря и запретили в них рыболовство. Говорят, Японское море будет включено в систему... Атлантического пакта! Тихий океан волнуется:

— Пришьют тебя к этому самому пакту, а потом пойди доказывай, что ты не Атлантический!

Судя по рисунку нашего художника, внедрение «американского образа жизни» в тихоокеанский подводный мир уже началось. Глубоко развернуло свою деятельность смешанное американо-американское акционерное общество по ловле рыбы в мутной воде. Зорко следит за океанскими течениями (не противоамериканские ли?) военная глубокодонная полиция. Подводный филиал Федерального бюро расследований занят выслеживанием красной рыбы, а попутно вылавливает и всякую другую, уличенную в метании подозрительно красной икры. Вовсю работает и дактилоскопический кабинет ФБР. Пальцами океанская фауна, конечно, не богата, но зато у некоторых из ее представителей есть щупальца! А с осьминогами сколько возни: у каждого по восемь оттисков брать приходится!

От обязательной регистрации не освобождены даже морские коньки и сирены. Тщетно пыталась сладкоголосая сирена сослаться на то, что она не более чем вымысел,— вымыслы-то и нужны ФБР! Ее зарегистрировали как «нежелательную иностранку» из древнегреческой мифологии.

На подводном Бродвее («Водвей», как называют его здесь) оживление. У входа в ночной бар «На дне» развлекаются подвыпившие представители заокеанской культуры, ловя за шлейф проплывающих мимо сирен. Гангстеры — специалисты по взлому банковских сейфов — взламывают чью-то частную раковину, ища в ней жемчуг, а какой-то воспитанный на голливудских кинофильмах культуртрегер умудрился даже стащить головной убор и трезубец у бога морей Нептуна.

Вот людоедствующий конгрессмен без помощи переводчика разговаривает с прожорливой акулой: они понимают друг друга! Вот подводны носиды и ромуло строят умильны мины при виде американских по водных мин и, захлебываясь восто гом и водой, голосуют («бул буль!») за все, что угодно СШ Только с хищниками, под-во уалимами и реакционными, всег пятящимися назад раками амер канцам и удается сговориться. В остальное население подводно мира относится к ним враждебно.

...Впрочем, эта картинка — больше чем фантазия художник Американских агрессоров на д океана пока еще нет. Но в том, ч они в результате своей полити пойдут ко дну, сомневаться приходится!

Эмиль КРОТКИЙ

Рисунок Е. Ведерникова

Цена 3 руб.